

Laučiūtė J. Senieji baltų etnonimai indoeuropietiškosios onomastikos fone // Baltistica, 1988, XXIV⁽¹⁾.
Mažiulis V. Selonica // Baltistica, 1981, XVII⁽¹⁾.

Poiša M. Vidzemes sēliskās izloksnes. Rīgā, 1985, t. I.
Poiša M. Vidzemes sēliskās izloksnes. Rīgā, 1999, t. II.

В. Н. Топоров

ПРУССКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения.

1.1.1. Варианты названия: прусский язык (П.я.); самоназвание языка пруссов, как и самих пруссов, неизвестно. Наиболее вероятны два предположения: 1) разные территориальные группы пруссов и их балтоязычных соседей могли называть себя и свой язык по названию «земли» (области), где они проживали (ср. галинды, галиндский язык — Галиндия и т. п.) или некоего отмеченного физико-географического объекта; 2) в последние века своего существования пруссы обозначали свой язык с помощью корня **prūs-*: *prūsiska (слово практически не засвидетельствовано в П.я.) или *prūsian* 'пруссов (язык)'. В самом пространном из известных прусских текстов («Энхиридион») трижды выступают слова этого корня: дважды — в соответствии со сходным названием в немецком тексте: *Mixkai bhe Prūsiskai* — *Deutsch vnd Preussisch* 'по-немецки и по-прусски' (речь идет о переводе лютеровского «Малого Катехизиса»), *en Prūsiskan tautan* — *im Land zu Preussen* 'в прусской стране' и однажды — независимо: *Sia Enteikūsna kai Prūsiskai turri Crixtitwi* 'порядок (форма), как по-прусски должно крестить'. Обозначение носителей П.я. корнем **prūs-* отмечено впервые в IX в. — *Bruzi* (Баварский Географ), т. е. в том же веке, когда в последний раз население этих мест названо «айстиями» (Вульфстан), ср. впервые *Aestii* у Тацита. В дальнейшем подобные названия постоянно употребляются в арабских, латинских, немецких, польских, русских и др. источниках: *Bruzi* (у Баварского Географа, IX в.), *B^urūs* (в арабском сочинении Ибрагима ибн Якуба, около 965 г.), *Pruz(ze), Pruz(zi), Pruzzun, Pruci, Pruzorum, Prucorum*, *прусн* (Лавр. 4); **высть поволице <...> с нѣмци с прусы въ их земли въ прускон** (Новг. перв. летоп., 401, 1410 г.); *прусн* (Ипат. 3 об., 140 об., 141, 237 об., 273, 290 об., 291 об., 294 об.) применительно к народу и стране проживания; ср. также *Прусскую улицу* в Новгороде и личное имя-прозвище **Прусъ: со Прусомо** (твор. п.) (в новгородской берестяной грамоте №439; эта форма с корнем **prūs-* не может относиться ранее чем к IX–X вв., так как иначе в польском и русском языках название пруссов звучало бы соответственно *prusy* и *прусы*) и т. п. В новое время утвердилось название: литов. *prūsų kalba*, латыш. *prūšu valoda*, польск. *język pruski*, рус. *прусский язык* (пруссы, строго говоря, следовало бы писать *пруссы* с одним *s*; то же относится к немецкому, английскому, французскому и ряду других языков), нем. *Preussisch* и т. п. Нередко к названию языка добавляется древне- или старо-, причем в некоторых традициях названия последнего типа выступают как основные или наиболее распространенные: латыш. *senprūšu valoda*, англ. *Old Prussian*, нем. *Altpreussisch*, фр. *le*

vieux prussien и др. В немецкой лингвистической традиции в последние годы чаще обозначают П.я. как *Prussisch*, чтобы отличить его от немецкого диалекта Пруссии — *Preussisch*.

Ранние источники помещают на территории будущей земли Пруссии айстиев (эстиев), племя, чье название было известно с античных времен в вариантах *Aestii, Aesti, Aisti, Estum, Hesti* и обозначало, как предполагают, особое балтоязычное племя, обитавшее на пространстве, примыкавшем к Балтийскому морю с юга. Велика вероятность того, что некогда пруссы не были единственными балтоязычными обитателями этой территории, на которой, вероятно, жили и славянские племена. Скорее всего пруссы занимали (по крайней мере сначала) лишь какую-то сравнительно небольшую западную часть позднейшей Пруссии, и только позже название Пруссии распространилось на всю эту территорию в силу особой исторической роли прусского этноязыкового элемента.

В XII–XIII вв. уже, видимо, сложилось представление о границе Пруссии и о ее многосоставности, наиболее полно отраженное в конце первой трети XIV в. немецким хронистом Петром из Дусбурга в его «Хронике земли Прусской» («*Chronicon terrae Prussicae*») (эта латинская хроника вскоре после написания была переложена на немецкий язык Николаем фон Ерошином). Ниже приводится перевод двух главок из начала третьей части «Хроники».

Гл. 2. «Описание земли Прусской»: Земля Пруская границами своими, внутри которых она расположена, имеет Вислу, Соленое море (т. е. Балтийское море, в оригинале — *mare salsum*), Мемель, землю Руссии, княжество Мазовии и княжество Добжинское. Висла — это река, текущая из Краковии в землю Померанскую, впадающая в море у крепости Данциг, отделяя Польшу и Померанию от Пруссии. Мемель — тоже река, вытекающая из королевства Руссии, впадающая в море рядом с замком и городом Мемельбургом, самую Руссию, Литву и Куронию также отделяющая от Пруссии.

Гл. 3. «О разнообразии и силе пруссов»: Пруская земля делилась на 11 частей. Первая была Кульмская земля (*terra Colmensis*, у Николая фон Ерошина, автора немецкого переложения «Хроники», — *Colmer*) и Любовия (*Lubovia*, у Николая фон Ерошина — *Lubaw*), которая до прихода братьев дома Тевтонского была почти необитаемой. Вторая — Помезания (*Pomesania*, у Николая фон Ерошина — *Pomezanen*), в которой жили помезаны (*Pomesani*). Третья — Погезания (*Pogesania*, у Николая фон Ерошина — *Pogezanen*), в которой жили погезаны (*Pogesani*). Четвертая — Вармия (*Warmia*, у Николая фон Ерошина — *Ermin*), в которой жили вармицы (*Warmienses*). Пятая — Наттангия (*Nattangia*, у Николая фон Ерошина — *Nattangin*), в которой жили наттанги (*Nattangi*). Шестая — Самбия (*Sambia*, у Николая фон Ерошина — *Samin*), в которой жили самбы (*Sambite*). Седьмая — Надровия (*Nadrowia*, у Николая фон Ерошина — *Nadrowen*), в которой жили надровы (*Nadrowite*). Восьмая — Скаловия (*Scalowia*, у Николая фон Ерошина — *Schalowen*), в которой жили скаловы (*Scalowite*). Девятая — Судовия (*Sudowia*, у Николая фон Ерошина — *Sudowen*), в которой жили судовы (*Sudowite*). Десятая — Галиндия (*Galindia*, у Николая фон Ерошина — *Galindin*), в которой жили галинды (*Galindite*). Одиннадцатая — Барта и Плика Барта (*Bartha*, у Николая фон Ерошина — *Bartin*), в которой жили барты, или бартенсы (*Barthi vel Barthenses*) <...>.

Почти все эти названия земель Пруссии и соответствующие этнонимы надежно определяются как элементы балтийской речи, более того, именно как прусские (или весьма близкие к ним) слова с довольно прозрачной этимологией.

В отличие от более или менее прозрачных этимологий названий прусских земель и их обитателей, этимология слова, обозначающего Пруссию, пруссов и П.я., объединенных общим корнем **prūs-*, менее ясна, о чем свидетельствует наличие пяти-шести разных точек зрения относительно этимологии слова-этнонима *prūs-* (важно, что поздние и «ученого» происхождения обозначения пруссов как *Borussi*, *Prutheni* и др., оказываются тупиковыми). Несомненно, что при любом этимологизировании можно исходить только из корня **prūs-*. Формально наиболее точное соответствие корню **prūs-* в П.я. было указано в 1965 г. О. Н. Трубачевым, привлечшим к объяснению протогерманского **Frūsa/*Frūsja*, из которого объясняется обозначение Фризии в Нидерландах и, естественно, фризов и фризского языка, но и Пруссии. Таким образом, название пруссов (**prūs-*) рассматривается как заимствование из протогерманского, совершившееся при предполагаемом продвижении пруссов с востока на запад. Несколько раньше Я. Отрембским было предложено иное объяснение слова, обозначавшего пруссов и Пруссию, через сравнение с др.-инд. *pūruṣa/pūruṣa* 'человек'. Кроме того, к сравнению могло бы быть привлечено др.-инд. *pūr-* 'стена из камней, скрепленных глиной', 'укрепление', 'траншея', 'крепость', позже и 'город' как поселение, огражденное защитными средствами. В обоих этих словах выступает идея целокупности, самодостаточности и надежности. При допущении расподобления гласных в обозначении человека (условно — **p^hruṣa*) возникает форма, фонетически весьма близкая к **prūs-* и подкрепляемая типологически весьма частым семантическим переходом от обозначения человека к обозначению-самоназванию племени, народа как совокупности людей (ср. др.-инд. *pūrṇa-* 'полный', 'заполненный', но и 'совершенный') при др.-инд. *par-*, *piparti* 'заполнять' и т. п. — из и.-е. **pelh₁-/*pleh₁-*, ср. *plh₁-no-* 'полный', а также др.-инд. *pūru-*, обозначение племени (праслав. **pleme* предполагает скорее корень **pel-/*plē-* в значении 'заполнять', в частности, и в вариантах рождения-производства потомства, пополнения того, что и образует племя, менее очевиден источник в виде **pled-/men-* : **plod-* : **plod-iti*). Идея воплощения объясняет и связь корня **prūs-* с прус. *prusnas* 'вид', 'наружность', 'внешность', т. е. в конечном счете я в л е н н о с т ь-заполнение. Менее очевидна выдвинутая М. Рудницким идея связи корня **prūs-* с глаголом литов. *praūsiū* 'мыть', польск. *pruchać* 'брызгать' и водной сферой (при латыш. *praūstiēs* 'полнеть', 'утучняться', 'увеличиваться', 'усиливаться'), отсылающими к ключевому смыслу корня **prūs-*. Эта идея получила распространение среди ряда лингвистов, предполагающих гидронимическое происхождение корня **prūs-*, **praus-*, хотя число соответствующих примеров минимально. В этом контексте реконструируется **prūsa-* со значением 'прохладное место', а нем. *Frisches Haff* 'Вислинский (Калининградский) залив' (ср. *frisch* 'прохладный') может рассматриваться как расширенная калька с **Prūsa*. С. Каралонас с корнем **prūs-* связывает литовский глагол *prūsti* 'толстеть', 'усиливаться' и предполагает, что **prūsis/*prūsas* было некогда аpellативом, обозначавшим некую совокупность — людей, народ и др. В. П. Шмид предполагает, что **prūsas* могло иметь раньше значение 'хорошо выросший', 'превосходный', что также отсылает к идее полноты, плотности, крепости.

1.1.2. П.я. принадлежит к балтийской ветви индоевропейских языков. Внутри балтийской ветви П.я. принадлежит к западнобалтийской группе, или к «периферийно-балтийским» диалектам, ранними представителями которых, видимо, бы-

ли упоминаемые Птолемеем галинды и судины, айстии (эстии, *Aestiorum gentes* Тацита), геродотовские невры и, предположительно, носители раннепраславянской речи. П.я. обладает рядом существенных общих элементов с куршским языком (см. статью «Балтийские языки» в наст. издании). Внутри западнобалтийской («периферийно-балтийской») ветви П.я. теснее всего был связан с ятвяжским языком. В отнесении к существенно более ранней эпохе П.я. (или его «айстийский» предшественник) внутри той же ветви мог иметь теснейшие отношения с языками судинов и галиндов, еще ранее — с протославянской филиацией «периферийно-балтийского» диалектного состояния и, как предполагают, с финно-язычным этносом, позже здесь исчезнувшим.

П.я. обладает целым рядом диагностически важных особенностей, благодаря которым он трактуется как представитель особого западнобалтийского типа, например: 1) в фонетике — сохранение дифтонга *ei* при изменении его в ряде случаев в *ie* в вост.-балт. (*deiwas/deiws* 'бог' — литов. *diēvas*, латыш. *dievs*); сохранение *dī, tī* (*median* 'лес' — литов. диал. *mėdžias*, латыш. *mežs*); сохранение *g', k'* (в отличие от латыш.); *šj* > *š* (в отличие от литов., ср. прус. *schutuan* [šutan] 'крученая нить' — литов. *siūtī*) и др.; 2) в морфологии — сохранение (в помезанском диалекте) среднего рода; родительный падеж единственного числа на *-as* у *a*-основ; номинатив множественного числа на *-ai* у *ā*-основ; датив множественного числа на *-mans* (имя), *-mas* (местоимение); сравнительная степень прилагательных на *-ais*; местоименные основы *sta-*, *tana-*, *tena-*, *dī-*, *su-*, *kawīda-*, *stawīda-*; возвратное местоимение *-sin*; притяжательные местоимения *mais* 'мой', *twais* 'твой', *swais* 'свой' (литов. *māno, tāvo, sāvo* и латыш. *māns, tāvs, sāvs*); датив единственного числа личных местоимений *mennei, tebbei, sebbei*; родительный падеж множественного числа личных местоимений *noīson*; инфинитивы на *-t*, *-twei*, *-ton*; императив с элементом *-ai-* (*-ei-*, *-i-*); ряд глагольных флексий и категорий; имеется также ряд лексических особенностей (*aglo* 'дождь' — литов. *lietus*, латыш. *liētus*; *ayculo* 'игла' — литов. *ādata*, латыш. *adata* и т. д.). В ряде случаев П.я. избирательно совпадает с одним из восточнобалтийских языков, отличаясь от другого (см. 2.6.0.).

В генетической перспективе П.я. особого внимания заслуживают те многочисленные примеры, когда он, отличаясь от восточнобалтийских языков, совпадает со славянскими. Наиболее показательны в этом отношении общие структурные черты в области морфологии (в частности, именного склонения). Несмотря на существенную ограниченность сведений о П.я. по сравнению с восточнобалтийскими языками, есть мнение, опирающееся и на конкретно засвидетельствованные языковые данные, и на результаты реконструкций, и на исторически засвидетельствованную смежность прусского и славянского (праславянского) ареалов на широком пространстве от Балтики до Дуная и особенно до Судет, о древних балто-чешских лексических связях. Есть основания полагать, что праславянский язык является одной из филиаций древней балтийской речи «прусского» типа.

1.1.3. Проблема пространственно-временной характеристики П.я. не является простой ввиду сложности исторических судеб пруссов и П.я. и недостаточности источников. Наиболее достоверные данные о распространении пруссов относятся к XII–XVI вв., поскольку они отражены в целом ряде источников и прежде всего в обстоятельной «Хронике Прусской земли» («Chronica Terrae Prussiae») Петра из Дусбурга, в которой описание событий доведено до 1326 г. Согласно «Хронике»

Прусская земля находилась в юго-восточной Прибалтике между Вислой на западе и Неманом на востоке, Балтийским морем на севере и Мазовшем (Мазовией) на юге (примерно по линии Торунь — Белосток, 53° сев. широты), и членилась на 11 отдельных частей («земель»), см. 1.1.1. Прусская земля в XII — первой четверти XIV в. охватывала территорию современной северо-восточной Польши, Калининградской области РФ и небольшого юго-западного уголка Литвы (в Земаманье). В пределах этого ареала в указанный период жили носители П.я.

Ареал П.я. или его непосредственного предшественника, фиксировавшего раннюю стадию в развитии П.я., с течением времени довольно сильно менялся, то сужаясь, то расширяясь. Земля между Вислой и Неманом древние пруссы населяли задолго до того, как впервые был засвидетельствован этот этноним. Судя по готским заимствованиям в П.я., археологическим и некоторым иным данным, прусское население уже в самом начале нашей эры занимало эту территорию («эстии» древних авторов). Балтийский элемент присутствовал здесь и ранее и, возможно, может быть прослежен до рубежа III—II тыс. до н. э., если его связывать с особой «поморско-береговой» археологической культурой (*Haffküstenkultur*), или даже до несколько более раннего рубежа, когда на южном побережье Балтики появляются первые индоевропейские поселения. «Поморская» культура, как полагают, и была тем ядром, из которого развилась культура западных балтов.

Анализ топонимических данных свидетельствует, что в определенный период или периоды, вопреки мнению отдельных ученых, прусское население распространялось и к западу от Вислы, в Поморье, где отмечено несколько десятков балтизмов прусского типа: *Gdańsk, Gdynia, Mottlau, Saalau-Zulawy, Schonau, Trutenau, Persante, Saulin, Labuhn, Labehn, Powalken, Straduhn, Rutzau, Karwen, Pirsna, Patulli, Arniki, Kawle, Prangenau* и т. п. Сложнее интерпретировать этноязыковую принадлежность древнего населения, занимавшего еще более продвинутой к западу ареал — вплоть до Шлезвига и Гольштейна, где также отмечены довольно многочисленные «балтообразные» топонимические элементы.

Начало заключительного этапа существования П.я. и независимости пруссов датируется с 30-х гг. XIII в., когда началась экспансия Тевтонского ордена на прусские земли. Уже в XIV в. в ряде областей, составлявших, по описанию Петра из Дусбурга, Прусскую землю, П.я. был сильно потеснен как за счет проникновения с запада и отчасти с юга польского этноязыкового элемента (этот процесс начался еще в конце I тыс. н. э.), так и за счет немецкой речи: замки и околоточные поселения, основанные Тевтонским орденом на прусских землях, стали очагами укоренения немецкого языка в Пруссии и центрами его распространения в прусском ареале. Ряд областей (особенно Галиндия, подвергшаяся разорению и запустению) обезлюдели, и П.я. переставал в них употребляться за отсутствием носителей. Несколько иная ситуация наблюдалась в ряде других частей Прусской земли, где еще раньше преобладала речь, близкая к П.я. и представлявшая, возможно, его диалектную разновидность, которая могла уже трактоваться и как самостоятельный язык (ср. Судовию и населявших ее ятвягов-судадов/судовов, носителей ятвяжского языка).

Именно ятвяжские земли потерпели особый урон в результате многочисленных войн между ятвягами и соседними народами — русскими и поляками. После разгрома ятвягов Тевтонским орденом в 1283 г. часть населения была уничтоже-

на, другая покинула свои земли, спасаясь от крестоносцев или будучи переселенной ими в другие места (в частности, 1600 судадов было переселено в Самбию — в район, который с тех пор стал называться «Судавским углом»). В целом же область ятвягов была превращена в пустыню (*desertum, solitudo* латинских источников, *Wildnis* — немецких), которая снова стала заселяться только после Торуньского договора 1411 г., когда она вошла в состав Великого княжества Литовского, литовцами, мазурами, западнорусами, остатками ятвяжского населения.

1.2.0. Лингвогеографические сведения.

1.2.1. Сколько-нибудь полная картина диалектов П.я. неизвестна. Прусский языковой материал позволяет говорить о принадлежности его к двум разным диалектам. Один из них — самбийский (самландский), распространенный на Самбийском п-ве, в северной части ареала П.я., между Куршским и Гданьским заливами, представлен тремя Катехизисами. Другой, так называемый помезанский, был распространен на западе прусского ареала, в Повисленье; он представлен Эльбингским словариком. Различие в характере источников сведений о диалектах П.я. объясняет, почему расхождения между диалектами фиксируются главным образом на фонетическом и лексическом уровнях; морфологические различия фиксируются лишь в пределах «словарной» формы, т. е. именительного падежа (так как словарь является «именным»). См. далее 2.7.0.

1.3.0. Социолингвистические сведения.

1.3.1. П.я. был языком устного общения пруссов, языком административных установлений (также устных), культы, устного народного творчества (наличие в котором ряда жанров можно считать несомненным). Существенная степень автономности ряда прусских земель заметно препятствовала сложению государственности, хотя можно предполагать, что перед экспансией Тевтонского ордена и в ее начале определенные тенденции к объединению прусских племен существовали и должны были вызвать стремление к выработке более унифицированного языка администрации, но отсутствие письменности, наряду с другими причинами, сделало это невозможным.

Описанные в 1.1.3. исторические процессы свидетельствуют о дестабилизации ранее, видимо, достаточно устойчивой этнической ситуации в прусских землях, что отразилось на положении П.я. Единый прусскоязычный ареал был разорван на ряд островков, значительная часть которых быстро исчезала: население других подобных островков становилось двуязычным, а со временем — немецкоязычным, сохраняя, однако, в немецкой речи большое количество «прутенизмов» (то же соответственно наблюдается в тех областях, где пруссы усвоили польский язык). С северо-востока и востока ареал П.я. сокращался за счет распространения литовского языка в так называемой Малой Литве. Дольше и прочнее П.я. сохранялся в глухих внутренних районах и на периферии, например, в Самбии, ставшей своего рода заповедником П.я. и аккумулятивировавшей носителей прусской речи из других частей Прусской земли, но и здесь шел довольно интенсивный процесс деградации. Ряд свидетельств XVI и XVII вв. подтверждают быстро развивающийся процесс деградации П.я. даже там, где он держался наиболее стойко. В 80-е гг. XVII в. Хр. Харткнох писал, что не осталось ни одной деревни, где все люди понимали бы П.я.; лишь кое-где еще сохранялись старые люди, понимающие его. Так, в приписке, сделанной после 1700 г. на экземпляре второго прусского Кате-

хизиса, сообщается: «...этот старый прусский язык теперь окончательно вымер» и «...в 1677 году единственный знавший его старик, живший на Куршской косе, умер». В то же время, существуют сведения (обычно не достаточно ясные и непроверенные), согласно которым прусская речь держалась кое-где в глухих уголках Вармии и Мазур вплоть до конца XVIII в. Избегая риска, можно все-таки полагать, что в первые десятилетия XVIII в. сохранялись еще люди, хотя бы ограниченно знавшие П.я. и пользовавшиеся им (в семейном кругу и втайне от остальных). В течение всего XVIII в. и первой половины XIX в. потомки пруссов, ставшие немецким крестьянским населением Восточной Пруссии, сохранили в своей речи многочисленные прусские элементы (особенно в лексике).

Отчасти сходную ситуацию можно предполагать и применительно к остаткам ятвягов, долее всего удерживавшихся на Гродненщине, где по данным переписи 1860 г. 30929 жителей назвали себя ятвягами. В своей речи эти ятвяги обнаруживали следы «литовского» (осторожнее, балтоязычного) произношения.

1.3.2. Надежных сведений о литературной норме практически нет. Однако «лингвистическая» полемичность второго прусского Катехизиса по отношению к первому Катехизису, как и отличия от них обоих в лексике «Энхиридиона», позволяет думать, что между 1545 и 1561 г. (по меньшей мере) проблема стандартизации языка и первые шаги по выработке письменного языка на его предлитературном этапе могли быть актуальными. Описания прусских религиозных обрядов, принадлежащие немецким писателям того же времени, дают основания для реконструкции ряда эпических форм, образов и даже микротекстов прусской словесности.

1.3.3. Сведений об учебно-педагогическом статусе П.я. нет. Однако, учитывая гуманистические и просветительские веяния в эпоху Реформации, создание Кенигсбергского университета (1544 г.), в котором учились и пруссы, необходимость создания собственной письменности и первые опыты в ней, наконец, сам «ренессансный» дух эпохи герцога Альбрехта (1490–1568), можно предполагать, что проблемы преподавания П.я. могли занимать прусских «студизусов» из Кенигсберга.

1.4.0. Памятники П.я. немногочисленны и за одним исключением невелики по объему: два словарика, три Катехизиса и несколько совсем коротких фрагментов. Старейшим памятником прусской письменности считается так называемый «Эльбингский словарик» (название дано по месту хранения до Второй мировой войны). Это немецко-пруссский словарь (802 слова на П.я.), построенный по семантическому принципу (основные в смысловом отношении группы лексики). Рукопись была написана готическим, так называемым «монашеским» шрифтом (Mönchschrift) около 1400 г., и представляла собой копию с утраченного оригинала, восходящего к началу XIV в. или даже к концу XIII в. и составленного немцем, принадлежавшим к Ордену. Второй памятник этого типа — словарик Симона Грунау, составленный между 1517 и 1526 г. доминиканским монахом из Толкемита и помещенный им в его же «Прусскую хронику». Это прусско-немецкий словарик, где около 100 слов также расположены по семантическим группам (в конце есть несколько фрагментов фраз). Сохранились несколько частично отличающихся друг от друга копий словарика, из которых особого внимания заслуживает копия, написанная рукописным готическим шрифтом (Kurrentschrift).

Большее значение имеют переводы Катехизиса на П.я. Все они напечатаны типографским способом с применением обычного для Германии в то время латинского готизированного шрифта. Первый Катехизис («Catechismus jn preußnischer sprach vnd dagegen das deüdsche») издан Гансом Вейнрейхом в Кенигсберге в 1545 г. После вступления на немецком языке следуют параллельно немецкий и прусский тексты в кратком варианте (десять заповедей, Символ веры, Отче наш, О крещении, О таинстве вечери). В том же 1545 г. Г. Вейнрейх издает второй, исправленный Катехизис («Catechismus jn preußnischer sprach gecorrigiret vnd dagegen das deüdsche»). Этот Катехизис в языковом отношении существенно отличается от первого; в его основе лежит не говор какого-то одного места, но некая усредненная «общесамбийская» норма. Второй Катехизис имеет тот же состав, что и первый, и так же, как и первый, анонимен. Третий Катехизис, или «Энхиридион» («Enchiridion. Der Kleine Catechismus Doctor Martin Luthers Teutsch vnd Preussisch»), представляющий собой перевод лютеровского «Малого Катехизиса», был напечатан Иоганном Даубманом в Кенигсберге в 1561 г. Переводчиком на П.я. был настоятель церкви в Побетене (Самбия) Абель Вилль, знания которого в области П.я. были недостаточны; поэтому в своей работе он вынужден был прибегать к помощи прусса Пауля Меготта. Несмотря на ряд отклонений прусского текста от немецкого оригинала и на ошибки в самом П.я., «Энхиридион», безусловно, самый значительный источник знаний о П.я. По объему он во много раз превышает каждый из первых двух Катехизисов, несравненно богаче их содержательно, отражает значительное количество языковых явлений (в том числе уникальных, например обозначение долгот в ударных слогах), которые ни разу не отмечены в других текстах на П.я. Все три Катехизиса при отдельных языковых различиях между ними написаны на самбийском диалекте, в то время как Эльбингский словарик — на так называемом «помезанском» диалекте.

Остальные образцы П.я. представлены несколькими фрагментарными, обычно очень короткими, длиной в одно предложение, текстами. В ряде отношений исключение составляет так называемая «Базельская надпись» (найдена в 1974 г. в одном из фолиантов, хранящихся в библиотеке Базельского университета). Из текстов на П.я., дошедших в оригинале, эта надпись является самой ранней — середина XIV в.; она представляет собой оригинальный, законченный и единственный достоверно стихотворный прусский текст (дистих с элементами каламбурно-юмористического стиля). Автором скорее всего был прусский студент, обучавшийся в Пражском университете. Существует также ряд коротких фрагментов XV–XVI вв. — отдельные слова, короткие фразы, пословица (включена в книгу «Maeliṣāh kai Hermeneia Dasist ein Onomasticum cum Interpretatio oder aussführliche Erklarung Leonhartens Thurneyssers zum Thurn...»), 1583; опубликована отдельно в 1969 г.), начало «Отче наш» (первые 6 или 7 слов, перевод с латинского, рукописный отрывок начала XV в.), короткая фраза (пять слов, принадлежащих к трем лексемам) из рукописного словарика Симона Грунау (копия, опубликованная в 1970 г.), некоторые прусские глоссы топонимического характера типа прус. *Ilgenpelke* — нем. *der lange Bruch* 'длинное болото', *Gailgarben* — нем. *Weissenberg* 'белая гора', *Kuke oder Chucumbrast* — нем. *Teufels durchfahrt* 'чертов брод' и т. п. Значительное количество лексем (иногда и их сочетаний), не

встречающихся в текстах на П.я., может быть восстановлено на основании прусского топонимического материала, прусских заимствований в соседних немецких, польских, литовских, белорусских диалектах, отдельных прутенизмов в старых письменных источниках (например, в конце XVI в. у Й. Бреткунаса). О польско-явтяжском словарики см. в статье «Балтийские языки» в наст. издании. Возможно расширение прусского материала за счет записей, сделанных миссионерами, посылавшимися папской курией и подолгу жившими среди пруссов. До настоящего времени соответствующие материалы, хранящиеся в архивах Ватикана, не опубликованы.

Возможна определенная историческая реконструкция процесса перевода катехизисов с немецкого языка на П.я. Несомненно, что в переводе участвовали обе стороны, но ведущей стороной была немецкая, и именно ей мы обязаны становлением прусской письменности. Случилось так, что пруссам легче было «депутенизироваться», чем развивать свою письменность. Слишком сильным, последовательным и императивным оказалось немецкое влияние. Не стоит упускать из виду, что онемечивавшиеся пруссы осознавали престижность «немецкости» и ее усвоения. Прусы упустили свой шанс и в исторически короткий период потеряли свою прусскость.

Особый случай представляют собой недавние попытки рекреации П.я., связанные с опытами Л. Палмайтиса (М. Клусиса), путем составления на своего рода «новопрусском» языке некоторых относительно простых текстов, контролируемых в своей основной части известными подлинными фактами П.я. Подход Л. Палмайтиса предполагает и разумный учет некоторых немецких слов как своего рода «вторичного» источника, который в некоторых случаях мог совпадать с неизвестными нам прусскими реальностями. Довольно существенная часть таких «рекреативных» реконструкций, вероятно, должна попадать в цель или близко приближаться к ней. Другие попытки подобной рекреации более спорны. Что касается «новопрусских» текстов, восстановленных Л. Палмайтисом применительно к реальным задачам нынешнего дня, их надо признать не только эвристически ценными и серьезно обоснованными, но и дающими возможность (при продолжении этих опытов), предполагать, что в будущем «новопруссий» может стать языком письменного и даже устного общения, хотя и в существенно ограниченных рамках.

1.5.0. Периодизация истории П.я. отсутствует. Возможно наметить самую общую схему периодизации, помня, что большая часть периодов пока остается очень бедной по своему лингвистическому содержанию: 1) «западнобалтийский» период: а) инновации в прабалтийских диалектах, отделившие «западнобалтийский» от «восточнобалтийского» и б) процессы, пережитые всеми западнобалтийскими диалектами в их общем развитии как единого целого; возможно, начиная с середины I тыс. до н. э.; 2) «общепруссий» период, предшествующий появлению исторически засвидетельствованных диалектов П.я. и предполагающий реконструкцию «единого» языка в заведомо идеализированной форме; большая часть I тыс. н. э.; 3) период диалектного дробления, представленный реально существующими памятниками с конца XIV — начала XV в. по середину XV в., но начавшийся, несомненно, раньше (возможно, с конца I тыс. н. э.); 4) период интенсивной деградации П.я. вплоть до его исчезновения (активная перестройка

грамматической системы по образцу немецкой, рост калек, возрастание лексических и синтаксических германизмов, случаи ошибок против «правильного» прусского и т. п., о чем можно судить по текстам предыдущего периода в их «худших» местах; до конца XVII — начала XVIII в.; 5) период «латентного» существования отдельных (прежде всего лексических, семантических и связанных с особенностями произношения и некоторыми фонетическими явлениями) элементов П.я. в составе немецких, польских, литовских и белорусских диалектов вплоть до настоящего времени. Большая часть хронологических рубежей, упоминаемых в этой периодизации, условна.

Наибольший вклад в изучение П.я. внесли Ф. Бопп, Г. Х. Ф. Нессельман, А. Беценбергер, Э. Бернекер, Р. Траутманн, Г. Герулис, Я. Эндзелин, В. Мажюлис, У. Р. Смолстиг, В. Смочинский и др.

1.6.0. Некоторые внутривидовые особенности объясняются грамматическим калькированием «германизмов» — см., например, описание аналитических форм на основе причастий в 2.3.7. Подобные германизмы объясняются не только и не столько фактом соседства пруссов и германцев, а позже и соприсутствия обоих этносов и языков на общем пространстве, исходно прусском, а позднее все более «германизирующемся» в результате немецкой экспансии. Проблема германизации дошедших до нас прусских текстов может быть понята только при учете самого процесса перевода немецкоязычных катехизических текстов на П.я. — см. 1.4.0.

2.0.0. Лингвистическая характеристика.

2.1.0. Фонологические сведения.

2.1.1. В настоящее время нет возможности говорить о едином окончательном варианте описания звуковой системы П.я., поэтому приходится довольствоваться заведомо неполной и неокончательной картиной, нуждающейся в существенном расширении и уточнении.

Более последовательно описана фонологическая система помезанского диалекта, представленного Эльбингским словариком. Состав гласных фонем (в скобках указываются основные типы их графического выражения и соответствующие позиции; C — символ согласной буквы): /i/ — iC(C), eC(C); /ī/ — iC, yC; /u/ — uC(C), oC(C); /ū/ — uC; /ε/ — eC(C), aC(C); /ē/ — eC; /ɔ/ — aC(C), oaC(C), eC(C); /ɔ̄/ — oC, oaC. С исторической точки зрения и для ориентации в других вариантах описания существенно указать, что /ɔ/ восходит к и.-е. *a, *o, *ə, а /ɔ̄/ — к и.-е. *ā, ā.

Приведенные выше гласные фонемы образуют симметрично построенные два квадрата, характеризующие «эльбингское» состояние:

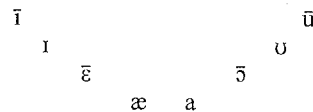
Наиболее существенными оказываются противопоставления по краткости: долготы (/i/ : /ī/, /u/ : /ū/, /ε/ : /ē/, /ɔ/ : /ɔ̄/); по подъему — верхние : нижние (/ī/, /ū/ : /ē/, /ɔ̄/); по ряду — передние : задние (/ī/, /ē/ : /ū/, /ɔ̄/). Предыдущее состояние («предэльбингское») восстанавливается в следующем виде:

Последующее состояние («послезельбинское») рисуется в виде двух подсистем с уже нарушенной симметрией:

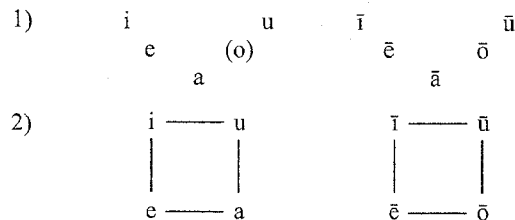
Гласные «короткой» подсистемы по сравнению с гласными «долгой» подсистемы претерпевают «понижение» степени подъема, что видно из передачи «идеализированных» фонем /i/, /u/, /ɛ/, /ɔ/ соответственно через *i* и *e* ([i]); *u* и *o* ([u]); *e* и *a* ([æ]); *a*, *o*, *oa* ([a]). Результаты этого процесса наглядно выступают в объединенной схеме:

Предпринимались попытки определения состава гласных фонем и для самбийского диалекта. Заслуживает внимания одна из таких попыток, ориентированная на язык «Энхиридиона»:

Но наибольший интерес представляют попытки восстановить «наддиалектную» систему гласных П.я. Основные расхождения между исследователями связаны с трактовкой рефлексов и.-е. *ā и *ō в П.я. Целесообразно упомянуть два варианта общепрусской вокалической системы, отражающих различие позиций по данному вопросу:

В ряде отношений эти различия объясняются не разной трактовкой графики, а расхождением в представлениях о характере «протопрусского» вокализма. Поэтому при суждении о вокализме П.я. следует учитывать и предшествующую ему

стадию развития. В соответствии с одной из последних и авторитетных версий она могла выглядеть следующим образом:

Однако ни одна из этих версий пока не может быть признана вполне достоверной. Эта неясность в известной мере отражается и на составе дифтонгов П.я. Бесспорно наличие /ai/, /ei/, /au/ (или /ɔi/, /ɛi/, /ɔu/). Сомнительно существование /eu/ (/ɛu/), о котором иногда говорят, имея в виду несколько примеров из «Эльбингского словарика» (*keuto* 'кожа', *peuse* 'сосна', *keutaris* 'дикий голубь', *gleuptene* 'отвал плуга', *bleusky* 'камыш', 'тростник', *skewre* 'свинья'), но которое допускает и иные более правдоподобные объяснения. Дифтонг /ui/ отмечен лишь в отдельных заимствованиях: *cuylis* 'хряк', *wiuzis* 'дворовая собака', 'сторожевой пёс' и в слове *muisiesen* 'больше', в словарях вин. п. ед. ч. м. р. *muisieson*. Дифтонги П.я. трактуются как бифонемные сочетания. Особого рода дифтонгообразные последовательности образуются сочетанием одной из гласных фонем /i/, /u/, /a/ (/ɔ/), /ɛ/ (/ɛ/) с /r/, /l/, /m/ или /n/, когда эти последовательности образуют один слог.

Состав согласных фонем П.я. вызывает меньше разногласий. Однако одно из них — о фонологическом признаке мягкости (палатальности) и сфере его распространения — весьма серьезно. Максимальный состав согласных фонем, как он восстанавливается некоторыми специалистами, может быть представлен следующей таблицей:

По способу образования		По месту образования										
		Губные				Переднеязычные				Среднеязычные	Заднеязычные	
		Губно-губные		Губно-зубные		Зубные		Альвеолярные			Тв.	М.
		Тв.	М.	Тв.	М.	Тв.	М.	Тв.	М.			
Шумные	Взрывные	Гл.	p	p'			t	t'			k	k'
		Зв.	b	b'			d	d'			g	g'
	Аффрикаты	Гл.					(c)					
		Зв.										
	Щелевые	Гл.			(f)		s	s'	š	(š')		
		Зв.					z	(z')	(ž)			(h)
Сонорные	Носовые		m	m'			n	n'				
	Боковые						l	l'				
	Дрожжщие							r	r'			
	Щелевые				v	v'				j		

Примечание: В скобках заключены периферийные фонемы, встречающиеся только в заимствованиях, обычно редких и явно недостаточно усвоенных (*falsch* 'ложный', *höffmannin* 'капитан', ср. *haese* 'есть', где *h* — графема с нулевым звуковым значением) или же звуки, фонемный статус которых весьма сомнителен и/или встречаемость которых крайне низка ([ɛ], [z'], [ž], [š']).

Палатализованные звуки четче всего выделяются на основании написаний типа *garian* 'дерево', *iuriay* 'море', *kelian* 'копье', *saligan* 'зеленый', *sweriapis* 'конь для турниров', *brunyoš* 'броня', 'панцирь', *pannean* 'моховое болото', или *wargien* 'медь', *noseilien* 'дух', *bousennien* 'суть', 'состояние', *pykullien* 'пéкло', *etwiēript* 'отпускать (грехи)', 'прощать', *gieidi* 'ждать' и т. п. Поэтому наиболее достоверно предположение о наличии /r'/, /l'/, /n'/. Примеры с написанием плавного и g перед i (типа *angurgis* 'угорь', *kargis* 'войско', *ansalgis* 'рант') также предполагают /r'/, /l'/. То же можно сказать о категории случаев, когда смычный оказывается перед графемой i, за которой следует a или o (*dragios* 'дрожжи', *kiosi* 'кубок', 'чаша', *maldian* 'жеребенок', *median* 'лес', *medione* 'охота', *sutristio* 'сыворотка'), или когда согласный оказывается перед сочетанием графем eu (*keuto* 'кожа', *keutaris* 'дикий голубь', *bleusky* 'камыш', 'тростник', *skewre* 'свинья'). Недостаток материала не дает возможностей для надежного выделения минимальных фонологических пар, но случаи типа C'a (< *Cja) : Ca нередки; именно они дают основания для допущения мягких фонем в П.я. Однако имеются объяснения «палатализации», исключаящие предположение об особых палатализованных согласных.

2.1.2. Из просодических признаков для П.я. существенны количество гласного, интонация и ударение. У д а р е н и е свободное и подвижное: *lāiku*, *lāikumai*, но *laikūt* (разные формы глагола со значением 'исполнять', 'держат') или *āntran*, но *antrā* (разные формы от слова 'другой', 'второй') (где макрон — соответственно обозначает ударение на первом и на втором слоге). Место ударения в конкретных словах и словоформах определимо лишь при особо благоприятных обстоятельствах, например при употреблении макрона (только в тексте «Энхиридиона»). Не исключено, что в конечный период существования П.я. проявлялись частичные тенденции к стабилизации ударения.

К о л и ч е с т в о гласного (долгота/краткость) в П.я. также может считаться фонологически существенным просодическим признаком, хотя более оправдано толкование долгих вокалических элементов как особых долгих гласных (см. 2.1.1.). Краткие трактуются как одноморные, долгие — как двухморные. Две моры содержат и дифтонги. Из обозначений долготы графическими средствами (кроме частных приемов типа *ij* = /i/ и т. п.) наиболее регулярно используется макрон, но только в ударном слоге (и недостаточно последовательно). Это правило, однако, не имеет абсолютного значения: в ряде случаев макрон, фиксируя место ударения, не обозначает долготу гласного, например формы типа *perweddā* 'привел', 'ввел' или *weddē* 'вёл' ударны, но их конечные фонемы, видимо, не являются долгими. В ряде примеров макрон над гласным выступает как знак графической аббревиатуры, указывающий на наличие в следующем сегменте носового согласного: *ispresnā* 'разум' = *ispresnan*, *saušā* 'сухой' = *sausan*, *potaukišnan* 'обещание' = *potaukišnan*.

И н т о н а ц и я в П.я. также является фонологически существенным просодическим признаком, но о ней можно судить или по данным внешнего сравнения, или в некоторых благоприятных ситуациях, когда графические приемы (в соотношении с данными родственных языков) позволяют говорить о двух интонациях — акутовой и циркумфлексной. «Сильной» позицией для различения двух типов интонации служат дифтонги со вторым элементом /i/ или /u/. В этих

случаях макрон может появляться как над первым, так и над вторым элементом дифтонга. Как правило, наличие макрона: 1) над первым элементом дифтонга соответствует циркумфлексу в соответствующих словоформах в литовском языке; 2) над вторым элементом дифтонга — акутовой интонации в литовском. Примеры: 1) *ēit* — литов. *ėiti* 'идти'; *gēide* — литов. *gėidžia* 'желеат'; *lāiku* — литов. *laiko* 'держит'; *āušins* — литов. *aušis* 'ухо' (вин. п.); 2) *aīnan* — литов. *vieną* 'один' (вин. п.); *pogaiūt* — литов. *pagauti* 'получить'; *pertraūki* — литов. *traukė* 'тянул'. Положение макрона над первым или вторым элементом дифтонга указывает, что в П.я. акутовая интонация была восходящей, а циркумфлексная — нисходящей (в этом отношении П.я. совпадает с латышским и славянскими и расходится с литовским). В дифтонгах вторичного (и относительно позднего) происхождения, возникших из долгих гласных *ī > /ei/ и *ū > /ou/, макрон оказывается над вторым элементом, что соответствует акутовой интонации в литовском: *geīwan* — литов. *gyvas* 'живой'; *boūt* — литов. *būti* 'быть'; *soūnan* — литов. *sūnu* 'сына' (вин. п.); *ioūson* — литов. *jūsu* 'вас' (род. п.). Макрон никогда не ставится над сонантами в дифтонгических сочетаниях, из чего не следует, что в этих случаях не различались эти две интонации. Когда макрон появляется над первым элементом «смешанных» дифтонгов (сочетание гласного с /m/, /n/, /l/, /r/), прусским примерам соответствует в литовском циркумфлекс: *rānkan* — литов. *raiką* 'руку'; *piēnkts* — литов. *peiktas* 'пятый'; *senrīnka* — литов. *reika* 'собирает'; *imt* — литов. *imti* 'брать'; *dešimts* — литов. *dešimtas* 'десятый'; *mārtins* — литов. *maščia* 'сноху'; *ālgas* — литов. *alga* 'жалование' (вин. п.); *etkūmps* — литов. *kušpas* 'изогнутый'. Когда макрон появляется над долгими ударными гласными (не дифтонгами), о характере интонации в прусском можно судить лишь по данным внешнего сравнения: *dāt* — литов. *duoti* 'дать', но *īdis* — литов. *ėdis* 'еда', 'едение'. Иногда для П.я. допускают наличие третьей фонологически существенной интонации — средней («Mittelton»).

2.1.3. Поскольку П.я. принадлежит к числу мертвых языков, возможно лишь в самых общих чертах перечислить наиболее характерные явления внутрисловесной фонетики:

1) мена глухих и звонких: *siraplis* 'серебро' — *sirablan* (вин. п.); *poklusmai* 'послушная' — *boklusmans* (вин. п. мн. ч. м. р.); *ackis* 'глаз' — *agins* (вин. п. мн. ч.); *girmis* 'червь' — *Kirmithen*, топоним; в ряде случаев эти колебания объясняются особенностями восприятия слов П.я. немцами; нередки примеры мены глухих и звонких в соседстве /n/: *knapios* 'конопля' — *gnabsem* (вин. п.); *iagno* 'печень' — литов. *jėknos*; *sagnis* 'корень' — литов. *šāknis/šaknis*, латыш. *sakne*;

2) разного рода ассимиляции: *subban*, *subs* 'тот же самый' > *sups*; *emmen* 'имя' вм. *emmens (ср. ирл. *ainm*); *ginnis* 'друг' при *perginnis* 'природа', 'натура' и *preiginnis*; *serripimai* 'испытывать' вм. *sen-ripimai; *sal(l)uban* 'о супругах' вм. *san-luban;

3) диссимиляции: *scrutele* 'портной' из нем. диал. *scrūtere*; возможно, *wirbe* 'веревка' при литов. *virvė*, латыш. *virve*;

4) выпадение согласных: *sepmas* 'седьмой' наряду с *septmas*; *malnijks* 'ребенок' (ср. *maldai* 'молодые'); *gallū* и *galvo* 'голова';

5) эпентеза согласных: *dessympts* и *dessimts* 'десятый'; *lembtwey* и *limtwey* 'ломать'; *str-* вм. *sr-*: *Strowange*, *Strewe*, гидроним;

б) выпадение гласных: *deiwa deiwūtskai* 'наиболее набожно' — *deiwūtiskan* 'набожного' (вин. п.), *prābutskas* 'вечный' в м. *prābutiskas; *melne* 'синий', 'синяк' — *milinan* (вин. п.); *camstian* 'овца' в м. *camistian, ср. *eristian* 'ягненок', *geristian* 'цыпленок' и др.; *wesliskan* 'веселость' — *wessals* 'веселый'; *kalbian* и *kalabian* 'меч';

7) вставка гласных типа сварабхакти: *tickars, tickers* 'правильный', 'истинный' при *tickra* (им. п. ед. ч. ж. р.), *tickran* (вин. п. ед. ч.); *antars, anters* 'другой', 'второй' при *antran* (вин. п. ед. ч.), *antra* (им. п. ед. ч. ж. р.); *stessemu* и *stesmu* 'тот', 'этот'; *auschaudisinan* и *auschaudisnan* 'доверие', 'верность', 'надежда'; *prābutuskan* 'вечный' (вин. п. ед. ч.) при *prābutskas* (им. п. ед. ч. м. р.);

8) некоторые особые процессы, связанные с концом слова; из них основной *-as > -s*: *awins* 'баран' < *awinas; *deiws* 'Бог' < *deiwas;

9) особенности передачи чужезычных звуков: *tapali* 'доска' из нем. *tafel*, но *valx* [falks] 'сокол' из нем. *falk*; *grikas* 'грех' из слав. *grěxъ*; *kirki* 'церковь' из нем. *kirche*; *czisix* (cz = [c]) 'чижик' из польск. *czyżyk*; *medinice* 'миска; блюдо' из польск. *miednica* 'таз'; *ilmis* 'хозяйственная постройка' из гот. *hilms*, но *kelmis* 'шапка' из герм. *xelmaz; *cuylis* 'хряк' из слав. *kyľь и т. п.

О некоторых других явлениях см. 2.7.0.

В П.я. существовала тенденция к лабиализации, ср. появление после губных и заднеязычных и из *ā: *mūti* 'мать' (но и *mothe*) — литов. *mótė*, латыш. *māte*; *mukint* 'учить' — литов. *mokinti*; *mergu* 'девушка' (но и *mergo*) — литов. *mergā*; *skudan* 'вред', 'ущерб', 'убыток' — литов. *škadà, iškadà*, польск. *szkoda*, а также случаи типа *kawijds* 'который' — *kuwijds*; *mergan* 'девушка' — *mergwan*; *grikan* 'грех' (вин. п.) — *grecon, grekun, griquan*; к смешению шипящих со свистящими; к дифтонгизации долгих гласных верхнего подъема; к удлинению и сокращению гласных; к разного рода упрощениям и т. п., но графика во многих случаях или очень приблизительно фиксирует эти явления, или вовсе их не отражает.

2.1.4. Максимальная схема слога в П.я.: $C_s + C_t + C_r + V + C + C + C + C(\dots)$ (V — гласная, C — согласная, C_s — целевая согласная, C_t — смычная, C_r — сонорная). Минимальная схема слога: V (одна гласная); особо следует выделить случай, когда слог состоит из дифтонга. Простейшие виды слога представлены элементами /ā/, /ē/, /ī/, /ū/, а также дифтонгами /ai/, /au/, /ei/; эти реализации отчетливо всего представлены в начале слова (до первого согласного): *a-ketes* 'борона', *e-sse* 'от', 'о', 'из', *u-lint* 'бороться', 'сражаться'; *au-culo* 'игла', *ai-nat* 'всегда', *ei-sennien* 'хождение', *au-sins* 'уши' и т. п.

Вокалическому центру V (восходящая часть слога) могут предшествовать одиночные фонемы /b/, /d/, /g/, /j/, /k/, /l/, /m/, /n/, /p/, /r/, /s/, /š/, /t/, /v/ (редко /c/, /z/, /f/, /h/); сочетания двух фонем (чаще всего на втором месте находятся /l/, /r/, /v/, реже — /m/, /n/): /bl/, /br/, /dr/, /dv/, /gl/, /gn/, /gr/, /kl/, /kn/, /kr/, /kv/, /pl/, /pr/, /sk/, /sl/, /sm/, /sn/, /sp/, /st/, /sv/, /šk/, /šl/, /šv/, /tl/, /tr/, /tv/, /zb/ (*blewsky* 'камыш', *drawine* 'улей', *dwai* 'два', *skallīsnan* 'обязанность', *snaugis* 'снег', *sbeclis* [= *zbeklis*] 'пружина замка'); сочетания трех фонем: /skl/, /skr/, /str/, /stv/, /škl/ (*sclait* 'но', 'однако', *strambo* 'жнивье', *stwi* 'здесь'); а также сочетания с соответствующими мягкими согласными.

Часто слово (и, следовательно, слог) оканчивается гласным или дифтонгом. Нисходящая часть слога (слова) может состоять из одного, двух и трех согласных. Из

одиночных согласных слог чаще всего замыкают /s/, /n/, /t/; реже — /r/, /m/, /c/; остальные случаи очень редки и весьма ненадежны, большая их часть относится к «чужим» элементам или объясняется дефектами записи: /g/, /l/, /k/, /h/ и др. Из сочетаний двух фонем в конце слога, совпадающем с концом слова, отмечены: /bs/, /ps/, /ds/, /gs/, /ks/, /ls/, /ms/, /ns/, /ps/, /rs/, /vs/, /kt/, /mt/, /nt/, /pt/, /st/ и др. Из сочетаний трех фонем в конце слога (слова): /nds/, /rds/, /šts/, /lts/, /mts/, /nts/, /pts/, /rts/, /sts/, /tzt/, /ntz/, /rtz/, /mps/, /rps/, /rbt/, /rpt/, /nst/, /rst/, /lks/, /nks/, /rks/. Есть случаи, когда конечный слог слова замыкается цепочками из четырех фонем: /nkts/, /rkts/, /nxts/, /ptzt/. Таким образом, в двучленных конечных цепочках представлены слоговые схемы: $-(V)C_sC_t$, $-(V)C_rC_s$; $-(V)C_rC_s$; в дву-, трех- и четырехчленных нисходящих последовательностях на последнем месте оказываются /s/, /t/.

О долготных противопоставлениях см. 2.1.2.

2.2.0. Морфонологические сведения.

2.2.1. Как следует из материала, приведенного в 2.1.4., в значительном числе случаев начало и конец слова находятся в отношении зеркального отражения (/sn-/ и /-ns/, /sl-/ и /-ls/, /sm-/ и /-ms/, /sp-/ и /-ps/, /sr-/ и /-rs/, /sv-/ и /-vs/). В трех- и четырехчленных цепочках, кроме занимающего последнее место /s/ или /t/, участвуют: C_t (/g/, /k/, /p/, /b/) — на предпоследнем месте (когда последним выступает /s/, на предпоследнем месте может быть /t/ и наоборот) и C_r (/r/, /l/, /m/, /n/) — на третьем и/или четвертом месте от конца.

Структура начальных и конечных слогов слова в высокой степени предопределяет и модель внутрислового слога, в частности, позиций слогораздела в ситуациях, допускающих выбор. Подавляющее большинство слов не превышает четырех-пяти слогов, хотя в редких случаях известны и более длинные слова — до семи слогов.

2.2.2. Сколько-нибудь полная картина морфонологии П.я. не может быть дана из-за ограниченности языкового материала и существенных трудностей в фонологической интерпретации гласных в ряде случаев. Тем не менее в П.я. можно обнаружить следы архаичного принципа категориального противопоставления (/e/ в корне первичных глаголов при /a/ из и.-е. *o в отглагольных именах), унаследованного из индоевропейского, а также, видимо, позиционные чередования гласных, используемые как в словообразовании, так и в словообразовании. См. также 2.2.3.

2.2.3. Чередование в П.я. выступает как продуктивный фактор, выполняющий важную морфонологическую роль. Однако (несмотря на возможности внешней и внутренней реконструкции) объем надежных конкретных примеров чередования очень ограничен. Практически все они относятся к гласным. П.я. в целом сохранил индоевропейскую по своим истокам прабалтийскую систему чередований гласных, исходящую из двух типов альтернатив — количественных и качественных. Ядром первого из них является противопоставление /e/ : /ē/, /a/ : /ā/, /i/ : /ī/; ядром второго типа — противопоставление /e/ : /a/ (/ē/ : /ā/): ∅. Схема приведенного здесь качественного чередования гласных (аблаут) отражена и в других апофонических рядах, в которых участвуют дифтонги с /i/ и /u/ или дифтонгические сочетания с сонорными /r/, /l/, /m/, /n/. Следовательно, помимо /e/ : /a/ : ∅, существуют чередования /ei/ : /ai/ : /i/; (/eu/): /au/ : /u/; /er/ : /ar/ : /ir/ (/ur/); /el/ : /al/ : /il/ (/ul/) и т. п. Наиболее полно в языковом материале отражено чередование

/e/ : /a/ (отчасти /ē/, /ī/ : /ō/, /ā/), примеры: *ertreppa* 'переступить' — *trapt* 'шагать', 'ступать'; *dengenennis* 'небесный' — *dangus* 'небо'; *skellants* 'связанный долгом, виной' — *skallīsnan* 'обязанность'; *auskiēndlai* 'потонуть' — *auskandints* 'утопленный', *auskandinsnan* 'потоп'; *wīngriskan* 'хитрость' — *wangan* 'конец'; *senrīnka* 'собирать' — *rānkan* 'рука', (*rānctwei* 'воровать'); *sīdāns*, *sīdāts* 'сидящий' — *saddinna* 'ставит' (букв. 'садит'); ср. также другие типы чередования: *maiggun* 'сон' (ср. *meicte* 'спать') — *ismigē* 'заснуть'; *waidinnā* 'показывать' — *ainawīdai* 'подобно'; *paikemmai* 'обмануть' — *pickuls* 'преисподняя'; *ebimmai* 'обхватывать', 'обнимать' — *immimai* 'брат'. Пример чередования полной степени гласного с нулем (формы глагола 'быть'): наст. вр. 3 л. *ast*, 1 л. ед. ч. *asmai* — оптатив 2 л. мн. ч. *seīti*, 3 л. ед. ч. *seisei*.

2.3.0. Семантико-грамматические сведения.

П.я. принадлежит к флективным языкам синтетического типа. Отмечены элементы агглютинации. Существенны черты аналитизма, проявляющиеся и в имени, и в глаголе. В значительной степени они складывались под влиянием немецкого языка; их роль возрастала по мере эволюции П.я. Для позднейшего этапа в развитии П.я. (заклочительный период деградации, о котором можно судить по текстам середины XVI в.), допустимо говорить о двух вариантах П.я. — более полном и синтетическом и редуцированном (базовом) с далеко зашедшей перестройкой на основе аналитизма.

2.3.1. Грамматические классы слов в П.я. определяются в значительной степени на основании морфологических (также синтаксических и семантических) критериев. Каждый из этих классов характеризуется собственным набором грамматических категорий, граммем, составляющих каждую из этих категорий, и формальных средств выражения этих граммем. На этом основании в П.я. целесообразно различать знаменательные классы слов: имя существительное, имя прилагательное, числительное, местоимение, глагол, причастие, наречие; к служебным словам относятся предлоги, союзы, частицы.

2.3.2. Категория р о д а в самбийском диалекте (Катехизисы) состоит из двух граммем: мужского и женского. Как следы среднего рода иногда трактуют формы именительного падежа единственного числа *testamentan*, *testamenten* 'Завет' в первом и втором Катехизисах при *testaments* в «Энхиридионе», а также *buttan* 'дом' в *buttantaws* наряду с *buttastaws* букв. 'отец дома'. В помезанском диалекте наряду с мужским и женским родом отмечены многочисленные примеры среднего рода на *-an*: *assaran* 'озеро', *dalptan* 'долото', *instran* 'жир', 'сало', *kelan* 'колесо', *creslan* 'кресло', *lunkan* 'лыко' и др. Род выражается в именах существительных, прилагательных, причастиях, указательных, относительных и части вопросительных местоимений, вероятно, и в ряде числительных, хотя из-за ограниченности текстов утверждать это с уверенностью нельзя.

Об остатках (следах) среднего рода у прилагательных см. 2.3.7.

2.3.3. Категория ч и с л а состоит из двух граммем — единственного и множественного (предположение об остатке двойственного числа в форме *austo* 'рот (уста)', *nozu* 'нос (ноздри)' из Эльбингского словарика спорно). В П.я., как и в других балтийских языках, противопоставление по числу в 3-м лице не выражается. Категория числа обнаруживает себя в именах существительных, прилагательных, причастиях, указательных, относительных, части вопроси-

тельных местоимений и, вероятно, в некоторых числительных, хотя имеющиеся тексты позволяют говорить лишь о двух-трех случаях множественного числа, ср. *abbai* 'оба' (им. п.), *abbans* (вин. п.), может быть *dwai* 'два' (им. п. м. р.), а также в 1-м и 2-м лице глагола. Нехватка материала не позволяет надежно судить о составе имен *singularia tantum* и *pluralia tantum*, хотя, несомненно, они есть.

2.3.4. Категория п а д е ж а представлена граммемами именительного, родительного, дательного и винительного падежей. Им противопоставлена звательная форма, однако известны случаи, когда в этой функции выступает форма именительного падежа единственного числа: *mes dīnkaumai tebbe, rikijs Deīws Taws* 'мы благодарим тебя, Господи, Боже', объект благодарения — в именительном падеже единственного числа.

Иногда без должных оснований говорят о творительном (инструментальном) падеже, а также о местном падеже (локативе) в П.я., вернее, о его остатках, на основании, во-первых, дважды отмеченного адвербиального *būtai* 'вечером' и единичного примера *en schisman ackewijstin Krixstīāniskan astin* 'в этом публичном христианском деле', где указательное местоимение *schisman*, трактуемое как локатив, сочетается с существительным в винительном падеже *astin* 'дело', и, во-вторых, — случаев, когда предлоги *en* или *na* сочетаются с дательным падежом: *en mayiey kræuwiey* 'в моей крови', *en stesmu wirdai* 'в этом слове', *na semmey* 'на земле' (ср. также форму локатива или иллатива во множественном числе *dangonsun* 'на небесах' в тексте «Отче наш»).

Четырехпадежная система в известной степени является идеализированной: следует иметь в виду отраженную в текстах (особенно в «Энхиридионе») далеко зашедшую тенденцию к выработке «общекосвенного» падежа или даже общего падежа на основе винительного. Примеры, когда «аккузатив» вытесняет формы других косвенных падежей, многочисленны. Они особенно часты, когда соответствующая форма существительного сочетается с предлогом или прилагательным, или же в конце ряда существительных, однородных в отношении падежной принадлежности.

2.3.5. З а л о г о в ы е различия проявляются чаще всего в причастиях, где противопоставляются действительный (актив) и страдательный (пассив) залог. Для выражения идеи возвратности предназначено местоимение *stien*, *sin* 'себя', соединяемое с глаголом. Немецкому пассиву соответствуют в прусских текстах перифрастические конструкции с пассивным причастием: *sta ast mais kērmens kas pērwan dāts wīrst* 'это мое тело, которое для вас дано' — нем. *das ist sein leyb der für euch gegeben wirdt*.

Существенно меньше данных о категории в и д а в П.я. Однако нет оснований сомневаться в ее наличии хотя бы потому, что существуют пары глаголов, в которых бесприставочной форме противопоставлена приставочная с лексически «пустым» префиксом *po-*: *dāton* — *po-dāton* 'дано', *peisāton* — *po-peisāton* 'написано' и т. п. Слабая выраженность видовых значений в прусских текстах легко объясняется ориентацией на немецкий текст, в котором категория вида отсутствует. То же наблюдается при выражении различий, связанных с разными способами протекания действия и с отношениями переходности/непереходности (диатеза).

Категория наклонения представлена индикативом, императивом, оптаивом и кондиционалисом. Кондиционалис, как правило, выступает в придаточных предложениях, тогда как оптаив — в главных.

2.3.6. Категория лица состоит из трех граммем: 1-го, 2-го и 3-го; см. 2.3.7., 2.4.0.

Категория времени в глаголе различает настоящее (презенс), прошедшее (претерит) и будущее. Примеры первых двух многочисленны; они образуются с помощью особых флексий соответственно от презентных и претеритальных основ. Не вполне ясна степень самостоятельности так называемых «перфектных» аналитических конструкций, состоящих из личной формы вспомогательного глагола «быть» и причастной формы основного глагола. Эти описательные конструкции выступают обычно в соответствии с немецким перфектом, и в них обоснованно видят результат немецкого влияния, хотя только этим влиянием данные формы не могут быть объяснены полностью: *tu assai billtuns* 'ты сказал' — нем. *du gesagt hast*; *Deiws teikiuns ast* 'Бог создал' — нем. *Gott geschaffen hatt*. Будущее время обычно также образуется аналитически — из личной формы вспомогательного глагола *wirst* 'стать' и претеритного причастия действительного залога: *wirst pogauuns* 'он получит' — нем. *wird empfangen*. Вместе с тем зафиксирован и архаический синтетический футурум на *-s*, но только в виде остатка: *postāsei* 'будешь' (нем. *wirst*) из **po-sta-sei*.

2.3.7. Существительные в П.я. различаются по родам, имеют словоизменяемые категории числа и падежа.

Прилагательные характеризуются категориями рода, числа и падежа, которые являются синтаксическими (определяются соответствующими категориями существительного), а также категорией градации (степени сравнения). В П.я. существенно противопоставление двух типов прилагательных по признаку определенности/неопределенности. Большинство засвидетельствованных прилагательных фиксируют неопределенную (краткую) форму; определенные (полные, или местоименные) прилагательные известны лишь в небольшом количестве (*dengnennisis* 'небесный' при неопр. *dengnennis*; ср. также прилагательные с исходом на *-ien* в формах винительного падежа единственного числа — *pirmonniēn* 'первого', *wolnenniēn* 'лучшего', *pansdaumanniēn* 'последнего' и др.; возможно, полная форма скрывается в *ripintinton* 'следующего' (из **ripintin-ion*) и т. п.).

Категория градации различает положительную, сравнительную и превосходную степени. Прилагательные в положительной степени обозначают этот признак нулевым образом. Сравнительная степень характеризуется элементом *-ais-*: *maldaisin* 'младшую' (при м. р. *mal dai* 'молодые'), *uraisin* 'старший' (при *urs* 'старый'), *kuslaisin* 'более слабый'. Превосходная степень образуется присоединением элемента *ucka-* 'наи-', 'самый' к форме сравнительной степени (*ucka kuslaisin* 'наислабейший'); судя по типу превосходной степени в наречиях, где *ucka-* присоединяется к форме положительной, подобный тип образования мог характеризовать в П.я. и прилагательные. Следует отметить употребление форм сравнительной степени в суперлативном значении: *en maldaisin deinan*, 'в день Страшного суда', букв. 'в (наи)более молодой день' — нем. *am jüngsten Tage* или *tawischān* 'ближайшего' — нем. *den Nächsten*.

Остатки прилагательных среднего рода или следы, по которым восстанавливаются формы среднего рода у этого класса слов, можно видеть в субстантивированных прилагательных, в наречиях адъективного происхождения и в некоторых других случаях. Восстанавливаются почти исключительно формы именительного и винительного падежа единственного числа. Примеры из Эльбингского словарика: *aswinan* 'кобылье молоко', букв. 'кобылье', (ср. *dadan* 'молоко' ср. р.), *poadamynan* 'сладкое молоко'; названия цветов: *kirsnan* 'черное', *sywan* 'серое', *golimban* 'синее', *wormyan* 'красное', *geltaynan* 'желтое', *cuncan* 'коричневое', *roaban* 'пестрое', *saligan* 'зеленое' и др. В самбийском диалекте: *labban* 'хорошее', 'добро', *wargu* (им. п. ед. ч.), *wargan* (вин. п. ед. ч.) 'злое', 'зло', *newewenēn* 'новое'. Среди основ на *-i-*, *-ja-* отмечается винительный падеж единственного числа *walnenniēn* 'лучшее', среди основ на *-u-* — *poligu* и *poligun* 'сходным образом'. О склонении прилагательных см. 2.4.0.

Среди числительных, особенно количественных, в памятниках обнаруживаются значительные лакуны. Зафиксированы слова для 'один' — *ains*, 'два' — *dwai* (*abbai* 'оба', 'двое'), 'десять' — *dessimpts*, *dessempts* и 'тысяча', — *tūsimtons* (вин. п. мн. ч. м. р.). Полнее всего представлены формы склонения *ains*, поскольку это числительное выступает прежде всего в соответствии с немецким неопределенным артиклем *ein*. *Ains* склоняется по типу основ на *-a-* (и.-е. **-o-*): м. р. ед. ч.: им. п. *ains*, род. п. *ainassei*, дат. п. *ainesmu*, вин. п. *ainan*; ж. р. ед. ч.: им. п. *aina*, род. п. *einassei*, вин. п. *ainan*; также дат. п. ед. ч. *ainesmu* (среднего рода?) — по местоименному склонению. *Dwai* отмечено дважды (оба раза в отнесении к словам мужского рода и в значении винительного падежа), но эта форма не вполне ясна. *Abbai* засвидетельствовано в именительном и винительном падеже множественного числа мужского рода — *abbans* и в именительном падеже единственного числа среднего рода — *abbaien*. Числительное *dessimpts* представляет собой именительный падеж единственного числа женского рода и по происхождению относилось к склонению основ на *-i-*. Тот же тип склонения некогда характеризовал и *tūsimtons*. Известны все порядковые числительные первого десятка: *pirmas* 'первый', *ānters*, *antars* 'второй', *tirts* 'третий', *kettwirts* 'четвертый', *piēncs*, *penckts* 'пятый', *uschts*, *wuschts*, *usts* 'шестой', *septmas*, *septmas* 'седьмой', *asmus* 'восьмой', *newints*, *newynitz* 'девятый', *dessimts* 'десятый'. Подробнее других представлены формы склонения для первых четырех; примеры для 'первый' ед. ч.: им. п. м. р. *pirmas* (определенная форма *pirmois*), вин. п. м. р. *pirmannien*; им. п. ж. р. *pirmoi*, вин. п. ж. р. *pirmonniēn*; вин. п. ср. р. *pirmannin*.

Местоимения представлены в текстах разными классами, которые существенно различаются между собой в морфологическом, синтаксическом и семантическом отношении. Одно из кардинальных различий, образующих две группы местоимений, связано с наличием/отсутствием рода. «Неродовые» местоимения представлены личными местоимениями, для которых существенны категории лица, числа и падежа; для них характерны двойной супплетивизм основ (основа единственного числа — основа множественного числа и основа именительного падежа — основа косвенных падежей), а также особая серия флексий. Местоимение 3-го лица, сопоставимое по формальным особенностям с ме-

стоимениями 1-го и 2-го лица, отсутствует. Вместо него употребляется указательное местоимение *tans* 'он (оный)', склоняющееся по образцу других указательных местоимений (см. 2.4.0.). «Родовые» местоимения в П.я. представлены указательными, притяжательными, вопросительно-относительными, определенными, неопределенными и обобщающими местоимениями, для которых существуют категории рода, числа и падежа.

Грамматически наиболее богатый и разветвленный класс слов в П.я. образует глагол. Наиболее существенные категории глагола: лицо, время и наклонение. Более экстенсивную роль играет категория числа. Залог представлен очень неполно, а вид и способ протекания действия принадлежат к явлениям, о которых можно лишь догадываться по частным фактам.

Неличные формы глагола состоят из: инфинитива, характеризующегося показателями *-t*, *-twei*, *-twi*, *-twe*, *-ton*, *-tun* (*boūt*, *būton* 'быть', *dāt*, *dātwei*, *daton* 'дать', *crixtitwi* 'крестить', *madlit*, *madlitwei*, *madliton* 'молить' и др.), супина (*-tun*, *-ton*), иногда рассматриваемого как инфинитив, и причастий.

Причастия образуют особый грамматический класс слов в П.я., по традиции, однако, рассматриваемый в пределах глагола. Они характеризуются категориями времени, залога, рода, числа, падежа. Различают причастия: 1) настоящего времени действительного залога с суффиксом *-nt-* (*skellānts* 'долженствующий', *sindats* < *sindants 'сидящий'); 2) настоящего времени страдательного залога с суффиксом *-man-* (*poklausīmanas* 'слышимый'); 3) прошедшего времени действительного залога с суффиксом *-uns* (*aulauuns* 'умерший', *seggīuns* 'сделавший', *dāuns* 'давший'); 4) прошедшего времени страдательного залога с суффиксом *-t-* (*dāts* 'данный', *ebsignāts* 'благословленный', *crixtiits* 'крещенный').

Причастия участвуют в образовании перифрастических времен и других аналитических конструкций, обычно ориентированных на соответствующий тип в немецком языке: *dāts wīrst* 'дается' (нем. *gegeben wird*), *posinnāts wīrst* букв. '(он) признаётся' (в значении сослагательного наклонения среднего рода 'призналось бы') (нем. *bekant werde*) — акциональный презенс пассива; *ast... etbaudints* 'пробужден (воскрешен)' (нем. *ist... aufferverwecket*), *ast... perpists* 'принесен' (нем. *ist... fuergetragen*) — статальный презенс пассива; *etbaudinmons wīrst* 'пробудит (воскресит)' (нем. *aufferwecken wirdt*) — для передачи в П.я. будущего времени; *asmai klanūns* 'ругался (злословил)' (нем. *habe geflucht*) — для передачи «перфекта», ср. также сочетание причастия с глаголом *boūt* 'быть' в претерите: *wissan kan tans bei teikūns* 'все, что он сделал (создал)' — нем. *alles was Er gemacht hatte*.

Особый грамматический класс слов образуют наречия. Их показателями выступают обычно *-ai*, *-an*, *-a*, *-i*: *deiwiskai* 'божественно', *mixkai* 'по-немецки', *prūsiskai* 'по-пруссски', *semmai* 'низко', *deineniskai* и *deininiskan* 'ежедневно', *ginneiwingiskan* 'дружески', *labban* и *labbai* 'хорошо', *skijstan* 'чисто', *ilga* 'долго', *wesselingi* 'радостно', *arwi* 'действительно', 'истинно', *reddi* 'ложно' и др. Отмечаются наречия местоименного типа: *schai* 'здесь', *stwen* 'там', *schan*, *stwi*, *quei* 'где?' и т. п. Из форм словоизменения можно говорить только о сравнительной степени (примеры единичны), которая образуется у наречий так же, как

у прилагательных: *massais* 'меньше'. Зафиксированы и иные типы образования — *muisieson* 'больше', *tālis*, *tāls*, *tals* 'дальше', *toūls* 'больше', трактуемые по-разному: *-is-* или *-es-*; подобные показатели могли, видимо, характеризовать и некоторые прилагательные (*tawischas* или *tawischis* (род. п.) 'ближайший'). Формы превосходной степени образуются присоединением элемента *ucka-* к положительной форме (*ucka isarwiskai* 'вернее всего').

Среди незначащих слов выделяются предлоги, союзы и частицы. Основные предлоги: *en* (*an*) 'в', *er* (*er prei*, *er en*), *ergi* 'до', *be* 'без', *esse* (*assa*) 'от', 'о', *is* 'из', *kirscha(n)* 'через', 'сквозь', *na* (*no*) 'на', 'после', 'согласно', *po* 'под', 'после', *pagār* 'около', *paggan* 'из-за', *per* 'для', *pirsdau* 'перед', *pra* 'через', *prei* 'к', 'у', *priki(n)* 'против', *sēn* 'с', *sirsdau* 'среди', *surgi* 'о'. Эти предлоги употребляются почти исключительно с винительным (*en*, *esse*, *is*, *kirscha(n)*, *na*, *pagār*, *per*, *pirsdau*, *po*, *pra*, *prei*, *priki(n)*, *surgi*) и дательным падежом (*en*, *esse*, *is*, *na*, *pirsdau*, *prei*, *priki(n)*, *sen*, *sirsdau*). Во многих случаях один и тот же предлог сочетается с обоими падежами; при этом иногда употребление разных падежей имеет синтаксическую и/или семантическую мотивировку, но нередко оно объясняется смешением их, свидетельствующим о забвении этих мотивировок: *esse stesmu garrin* 'из этого (дат. п.) дерева (вин. п.)', *en kawijdsmu* (дат. п.) *Christiāniskan* (вин. п.) 'в котором Христианстве', *sen stesmu* (дат. п.) *wargan* (вин. п.) 'с этим злом'; в таких случаях формы винительного и дательного падежа начинают употребляться при некоторых предлогах безразлично. О тенденции к распространению в П.я. «общего» или «общекосвенного» падежа в положении после предлогов свидетельствует то, что с родительным падежом сочетается лишь один предлог вторичного происхождения (*pagār*), а сочетания предлога *sen* с творительным падежом (*sēnku* 'с кем', *sen maim* 'со мной') далеки от падежности.

Основные союзы: *ad(d)er* 'но', *anga* 'или... или', *ba* 'и', *beggi* 'так как', 'потому что', 'ибо', *ikai* 'если', *ir* 'и', 'а также', *kad(d)en* (*kadan*) 'когда', *kāi* 'что', 'чтобы', *kāigi* 'как', 'подобно', *nikai* 'чем', *kan* 'когда', *scloit* (*schlait/ schlāits*) 'но'.

Данные о частцах скудны (*an*, *gi*, *ir*, *ikai* и др.), если не считать морфологизированной приглагольной частицы *lai*, присоединяемой к инфинитивной основе и иногда сопровождаемой личными глагольными окончаниями (кондиционалис).

2.4.0. Образцы парадигм.

Склонение имен существительных представлено несколькими парадигмами, зависящими от принадлежности слова к определенному типу основ, а иногда и от грамматического рода. Обычно в П.я. выделяют семь типов основ в склонении существительного: на *-a-* (и.-е. *-o-), *-(i)ja-* (и.-е. *-jo-), *-ā-* (*-(j)ā-*) (и.-е. *-(i)ā-), *-ē-* (и.-е. *-ē-), *-i-* (и.-е. *-i-), *-u-* (и.-е. *-u-), а также на согласный.

Конкретные парадигмы склонения имени изобилуют лакунами и неясностями. Поэтому восстанавливаемые исследователями для П.я. парадигмы носят обычно несколько идеализированный, иногда даже условный характер. Относительно полны и надежны сведения о флексиях парадигм склонения только в наиболее продуктивных типах.

Существительные

Флексии основ склонения

Типы основ										
Падеж	-a-		-(i)jā-		-ā- (-jā-)		-ē-	-i-		-u-
	М. р.	Ср. р.	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	Ж. р.	М. р., ж. р.	М. р.	Ср. р.	
Ед. число										
Им.	-(a)s	-an	-is	-in, -jan	-ā, -jā	-ē	-is	-us	-u, -un	
Род.	-ās		-(j)as		-ās, -jās	-ēs	-eis	-aus		
Дат.	-ai, -u				-ai, -jai	-ei	-ei		-u (?)	
Вин.	-an		-in, -jan		-an, -jan	-en	-in	-un	-un (?)	
Мн. число										
Им.	-ai				-ās, -ai, -jās, -jai	-ēs	-īs			
Род.	-an				-an, -jan					
Дат.	-ama(n)s				-āmans, -jāmans					
Вин.	-ans		-ins, -jans		-ans, -jans	-ens	-ins			

Парадигмы склонения

Основы на -a-: м. р.: *deiws* 'Бог', *wijrs* 'муж', *tāws* 'отец', *wīrds* 'слово', *grīkas* 'грех', *malnijks* 'ребенок'; ср. р.: *buttan* 'дом', *īstai* (дат. п.) 'еда'.

Падеж	Ед. число						
	Им.	<i>deiws</i>	<i>wijrs</i>	<i>tāws</i>	<i>wīrds</i>	<i>grīkas</i>	<i>malnijks</i>
Род.	<i>deiwas</i>		<i>tāwas</i>			<i>malnijkas</i>	<i>buttas</i>
Дат.				<i>wirdai</i>	<i>grīku</i>	<i>malnīku</i>	<i>īstai</i> (?)
Вин.	<i>deiwan</i>	<i>wijran</i>	<i>tāwan</i>	<i>wirdan</i>	<i>grīkan</i>	<i>malnijkan</i>	
Зват.	<i>deiwe</i>		<i>tawe</i>				
Мн. число							
Им.		<i>wijrai</i>		<i>wirdai</i>	<i>grīkai</i>	<i>malnijkai</i>	
Род.				<i>wirdan</i>	<i>grīkan</i>		
Дат.		<i>wijrimans</i>		<i>wirdemmans</i>			
Вин.	<i>deiwan</i>	<i>wīrans</i>	<i>tāwans</i>	<i>wirdans</i>	<i>grīkans</i>	<i>malnijkans</i>	
Зват.		<i>wijrai</i>	<i>tawai</i>				

Основы на -(i)jā-: м. р.: *rikij*s 'господин', *bousennis* 'состояние', *druwis* 'вера', *geits* 'хлеб', *īdis* 'еда', *tawischas* (род. п.) 'ближайший сосед'; ср. р.: *garrin* (вин. п.) 'дерево'.

Падеж	Ед. число						
	Им.	<i>rikij</i> s	<i>bousennis</i>	<i>druwis</i>	<i>geits</i>	<i>īdis</i>	
Род.	<i>rikijas</i>					<i>tawischas</i>	
Вин.	<i>rikijan</i>	<i>bousennien</i>	<i>druwin</i>	<i>geitin</i>	<i>īdin</i>	<i>tawischen</i>	<i>garrin</i>
Зват.	<i>rikij</i> s						

Падеж	Мн. число					
	Им.	* <i>rikijai</i>				
Вин.	<i>rikijans</i>	<i>bousenniens</i>				
Зват.	<i>rikijai</i>					

Основы на -ā- (-jā-): ж. р.: *genna* 'женщина', *mensa* 'мясо', *merga* 'девочка', *perdāsai* (дат. п.) 'продажа', 'торговля', *maddla* 'молитва', *dāiai* (дат. п.) 'дар', *krawia* 'кровь'.

Падеж	Ед. число						
	Им.	<i>genno</i>	<i>gensā</i>	<i>mergu</i>		<i>maddla</i>	
Род.	<i>gennas</i>	<i>mensas</i>	<i>mērgan</i>				
Дат.				<i>perdāsai</i>		<i>dāiai</i>	<i>krawiwey</i>
Вин.	<i>gennan</i>	<i>mensan</i>		<i>perdāisan</i>	<i>madlan</i>	<i>dāian</i>	<i>krawian</i>
Мн. число							
Им.	<i>gennai</i>	<i>mensas</i>			<i>madlas</i>		
Род.		<i>menschon</i>					
Дат.	<i>gennāmans</i>		<i>mergūmans</i>				
Вин.	<i>gennans</i>					<i>dāians</i>	

Основы на -ē-: ж. р.: *giwei* 'жизнь', *kīrki* 'церковь', *pērgimnis* (род. п.) 'природа', *kurpe*, род обуви, *teisi* 'право', *semmei* (дат. п.) 'земля', *raples* 'щищцы'.

Падеж	Ед. число						
	Им.	<i>giwei</i>	<i>kīrki</i>		<i>kurpe</i>	<i>teisi</i>	
Род.	<i>giwas</i>	<i>kīrkis</i>	<i>pērgimnis</i>		<i>teisis</i>		
Дат.			<i>pērgimie</i>			<i>semmei</i>	
Вин.	<i>gijwan</i>	<i>kīrkin</i>			<i>teisin</i>	<i>semmin</i>	<i>druwin</i>
Мн. число							
Им.							<i>raples</i>
Вин.		<i>kīrkis</i>		<i>kurpins</i>			

Основы на -i-: ж. р.: *ackis* (мн. ч.) 'глаза', *nautei* (дат. п.) 'нужда', *nierties* (род. п.) 'страх', *assis* 'ось'; м. р.: *nosēilis* 'дух', *seilin* (вин. п.) 'прилежность', *cixtiānimans* (дат. п. мн. ч.) 'христиане', *amsis* (род. п.) 'народ'.

Падеж	Ед. число						
	Им.				<i>assis</i>	<i>nosēilis</i>	
Род.			<i>nierties</i>		<i>noseilis</i>		<i>amsis</i>
Дат.		<i>nautei</i>					
Вин.		<i>nautin</i>	<i>nertien</i>		<i>noseilin</i>	<i>seilin</i>	<i>amsin</i>
Мн. число							
Им.	<i>ackis</i>						
Дат.						<i>cixtiānimans</i> (?)	
Вин.	<i>ackins</i>	<i>nautins</i>				<i>seilins</i>	

Основы на *-u-*: м. р.: *dangus* 'небо', *soīns* 'сын'; ср. р.: *pecku* (вин. п.) 'скот'.

Падеж	Ед. число		
Им.	<i>dangus</i>	<i>soīns</i>	
Род.		<i>*sounous, soīnas, sunos</i>	
Дат.			<i>peku (?)</i>
Вин.	<i>dangon</i>	<i>soīnan, sunin</i>	<i>pecki, peckan (?)</i>

Основы на согласный: ср. р.: *seyr* 'сердце' (корневая основа, другие падежи как у *a*-основ); м. р.: *brote* 'брат', ж. р.: *mūti* 'мать', *ductki* 'дочь' (*r*-основы), м. р.: *emmens* 'имя', *kermens* 'тело', *smoy* 'человек'; ср. р.: *semen* 'семя' (*n*-основы); м. р.: *smunents* 'человек', *giwāntei* (герундий из дат. п.) от глагола 'жить' (*nt*-основы).

Падеж	Ед. число									
Им.	<i>seyr</i>	<i>brote</i>	<i>mūti</i>	<i>ductki</i>	<i>emmens</i>	<i>kermens</i>	<i>smoy</i>	<i>semen</i>	<i>smunents</i>	
Род.					<i>emnes</i>	<i>kermenēs</i>				
Дат.										<i>giwāntei (?)</i>
Вин.			<i>mūtin</i>		<i>emnen</i>	<i>kermenen</i>			<i>smunentin</i>	
Зват.		<i>brāti</i>								
	Мн. число									
Вин.									<i>smunentins</i>	

Прилагательные

В зависимости от типа основ обычно различают три склонения, хотя каждое из этих склонений «сложное», поскольку оно предусматривает формы мужского и женского рода (о формах среднего рода см. 2.3.7.) Прилагательные склоняются по одному из следующих типов: I. *-a/-ā-* (и.-е. **-o-*, **-ā-*); II. *-i-* или *-ja/-jā-* (и.-е. **-i-*, **-jo-*, **-jā-*); III. *-u/-ū-* (и.-е. **-u-*, **-ū-*). Наиболее распространен первый тип, второй встречается реже, примеры третьего единичны. В склонении прилагательных многочисленны случаи смешения основ, аналогий, исключений. Известны случаи взаимодействия склонения существительных и прилагательных.

I тип, основы на *-a/-ā-*: *swints* 'святой', *mijls* 'дорогой', *ainonts* 'некий', 'некто', *tickars* 'правый', *wargs* 'злой', *gāntsas* 'целого', 'всего' (род. п.), *urs* 'старый', *labs* 'хороший'.

Падеж	Ед. число								
Им.	м. р.	<i>swints</i>	<i>mijls</i>	<i>ainonts</i>	<i>tickars</i>	<i>wargs</i>		<i>urs</i>	<i>labs</i>
	ж. р.	<i>swintai</i>			<i>tickra</i>				
Род.	м. р.	<i>swyntas</i>	<i>mijlas</i>	<i>ainontsi</i>					<i>labas</i>
	ж. р.						<i>gāntsas</i>		
Дат.	м. р.			<i>ainontsmu</i>		<i>wargasmu</i>			
	ж. р.				<i>tickray</i>				
Вин.	м. р.	<i>swintan</i>	<i>mijlan</i>	<i>ainontin</i>	<i>tickran</i>	<i>wargan</i>			<i>labban</i>
	ж. р.	<i>swintan</i>				<i>wargan</i>	<i>gāntsan</i>		<i>labban</i>

		Мн. число						
Им.	м. р.	<i>swintai</i>	<i>mijlai</i>		<i>tickrai</i>			
	ж. р.		<i>mijlas</i>					
Род.	м. р.	<i>swintan</i>						
	ж. р.							
Дат.	м. р.						<i>uremmans</i>	
	ж. р.							
Вин.	м. р.					<i>wargans</i>	<i>urans</i>	<i>labbans</i>
	ж. р.	<i>swintans</i>				<i>wargans</i>		

II тип, основы на *-i-*, *-ja/-jā-*: *arwis* 'истинный', 'настоящий', *degenennis* 'небесный', *mukinewis* 'поучающий', *wyssenmukis* 'всемогущий', *druwīngin* 'верующего' (вин. п.), *nidruwīngi* 'неверующие', *ainaseilingi* 'одинокая', *warewingin* 'могущественный'.

Падеж	Ед. число								
Им.	м. р.	<i>arwis</i>	<i>degenennis</i>	<i>mukinewis</i>					<i>ainaseilingi</i>
	ж. р.								
Род.	м. р.				<i>wyssenmukis</i>				
	ж. р.								
Дат.	м. р.								
	ж. р.								
Вин.	м. р.				<i>wissemokin</i>	<i>druwīngin</i>			
	ж. р.								
	Мн. число								
Им.	м. р.							<i>nidruwīngi</i>	
	ж. р.								
Род.	м. р.							<i>nidruwīngin</i>	
	ж. р.								
Дат.	м. р.					<i>druwīngimans</i>			
	ж. р.								
Вин.	м. р.			<i>mukinewins</i>		<i>druwīngins</i>			<i>warewingin</i>
	ж. р.								

III тип, основы на *-u/-ū-*. В мужском роде засвидетельствованы формы им. п. ед. ч. *āūgus* 'скупого', *preiilāngus* 'нежный', вин. п. ед. ч. *polligun* 'подобный' (?); в женском роде, возможно, вин. п. ед. ч. *gillin* 'глубокий'.

Местоимения

Личные

Падеж	1-е лицо		2-е лицо	
	Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
Им.	<i>as, es</i> 'я'	<i>mes</i> 'мы'	<i>tū, tōi</i> 'ты'	<i>ioūs</i> 'вы'
Род.	<i>maisei</i>	<i>nuson, noūson, nusun</i>	<i>twaise</i>	<i>ioūsan, iouson</i>
Дат.	<i>mennei</i>	<i>nūmans, nūmas, noūmas</i>	<i>tebbei</i>	<i>ioūmans, ioūmas, iūmans</i>
Вин.	<i>mien</i>	<i>mans</i>	<i>tien</i>	<i>wans</i>
Твор.	<i>māim</i>			

Примечание: Формы род. п. ед. ч. *maisei*, *twaise* построены на основе соответствующих притяжательных местоимений; иногда так же понимают и трижды отмеченную форму

твор. п. *māim*, хотя существуют и иные ее объяснения. Для формы вин. п. мн. ч. *mans* иногда предполагают диссимиляцию из **nans*; форму *ioūs* в ряде случаев трактуют как [jus].

Притяжательные

mais 'мой', *twais* 'твой', *noūs-* (**nūs-*) 'наш', *ioūs-* (**jūs-*) 'ваш'

1-е лицо						
	М. р.	Ж. р.	Ср. р.	М. р.	Ж. р.	Ср. р.
Падеж	Ед. число					
Им.	<i>mais</i>	<i>maia</i>			<i>nousā</i>	
Род.	<i>maisei</i>					
Дат.	<i>maiāsmu</i>	<i>mayiey</i>			<i>nousesmu</i>	<i>noūsesmu</i>
Вин.	<i>maian</i>	<i>maian</i>	<i>maian</i>			
	Мн. число					
Вин.	<i>maiāns</i>			<i>nousons</i>		<i>noūsons</i>

2-е лицо				
	М. р.	Ж. р.	М. р.	Ж. р.
Падеж	Ед. число			
Им.	<i>twais</i>	<i>twaiā</i>	<i>ioūs</i>	<i>ioūsā</i>
Род.	<i>twaise, twaisei</i>	<i>twaiasei</i>	<i>iouai</i>	
Дат.	<i>twaiāsmu</i>		<i>ioūsmu</i>	
Вин.	<i>twaiān</i>	<i>twaiān</i>		
	Мн. число			
Вин.	<i>twaiāns</i>	<i>twaiāns</i>	<i>ioūsans, ioūsons</i>	<i>ioūsans</i>

Возвратные местоимения: *swais* 'свой', *sebbei* 'себе', *sien* 'себя' (энклитически *-si* и *-sin*) и отчасти *subs, sups*, 'свой'. Довольно полно представлена парадигма наиболее регулярного возвратного местоимения *swais*:

	М. р.	Ж. р.
Падеж	Ед. число	
Им.	<i>swais</i>	<i>swaia</i>
Род.	<i>swaise, swaisei</i>	<i>swaias</i>
Дат.	<i>swaiāsmu</i>	<i>swaiai</i>
Вин.	<i>swaiān</i>	<i>swaiān</i>
	Мн. число	
Дат.	<i>swaimans</i>	
Вин.	<i>swaiāns</i>	<i>swaiāns</i>
Твор.	<i>swaieis</i>	

Указательные

	М. р.	Ж. р.	Ср. р.
Падеж	Ед. число		
Им.	<i>stas</i> 'этот' и в функции определенного артикля <i>schis</i> 'этот, сей' <i>tāns</i> 'он (онный)'	<i>stā</i>	<i>sta, stae</i>
Род.	<i>stēisei, stēisi, stēise, stesse</i> <i>schīēise</i> <i>tennessei</i>	<i>steises, stesses, stessias</i> <i>schisses</i>	<i>stēisei, stesse</i>
Дат.	<i>stēismu, stēsmu</i> <i>schismu</i> <i>tennēismu, tenesmu</i>	<i>stēisei, stessei</i> <i>schissai</i> <i>tennēi</i>	<i>steismu, stesmu, stasma</i>
Вин.	<i>stan</i> <i>schan, schian, schien</i> <i>tennan</i>	<i>stan</i> <i>schan, schin, schien, schian</i> <i>tennan</i>	<i>sta, stan</i>
	Мн. число		
Им.	<i>stāi, stai, staey</i> <i>schai</i> <i>tennei</i>	<i>stai</i>	
Род.	<i>stēison, stēisan</i> <i>schīēison</i> <i>tennēison, tanassen</i>	<i>stēison, stēisan</i> <i>tennēison</i>	<i>stēison</i>
Дат.	<i>stēimans, steimans, steimans</i> <i>tennēimans</i>	<i>stēimans, steimans, steimans</i>	
Вин.	<i>stans</i> <i>schans, schins</i> <i>tennans, tannans</i>	<i>stans</i> <i>schiens</i> <i>tennans</i>	

Энклитическое местоимение **dis* может употребляться как анафорическое, но часто также употребляется в неопределенно-личном значении, соответственно неопределенно-личному местоимению *man* в немецком тексте. Местоимение **dis* обладает дефектной парадигмой. Представлены формы только именительного и винительного падежа: им. п. ед. ч. м. р. *-ts*; на основании *-ts* в исходе таких глагольных форм, как *immats* 'он взял' и т. п., реконструируется **dis*; им. п., вин. п. ед. ч. ср. р. *-di* (?), в таких формах глагола, как *turedi* 'должно' (соответственно нем. *soll man*) или *wirsti* < **wirst-di* 'станут' (в неопределенно-личном значении, соответственно нем. *wird man*), а также в *kāidi* 'что люди', сочетании союза с *-di* (соответственно нем. *dass man*); вин. п. ед. ч. м. р., ж. р. *din* (ж. р. также *dien*), им. п. мн. ч. м. р. *dei, di*; вин. п. мн. ч. м. р., ж. р. *dins*.

Местоимение-прилагательное *stawīds* 'такой' представлено формами:

м. р. — ед. ч.: им. п. *stawīds*, дат. п. *stawīdsmu*, вин. п. *stawīdan*; мн. ч.: вин. п. *stawīdāns*;

ж. р. — ед. ч.: вин. п. *stawijdan*; мн. ч.: им. п. *stawīdas*;

ср. р. — ед. ч.: дат. п. *stawīdsmu*, вин. п. *stawīdan, stawēidan*.

Обобщающие местоимения: представлены словом *wissa* (ж. р.) 'весь', парадигма которого засвидетельствована не полностью:

м. р. — ед. ч.: дат. п. *wismu*, вин. п. *wissan*; мн. ч.: им. п. *wissay*, дат. п. *wissamans*, вин. п. *wissans*;

ж. р. — ед. ч.: им. п. *wissa*, дат. п. *wissai*, вин. п. *wissan*; мн. ч.: им. п. *wissas*, вин. п. *wissans*;

ср. р. — ед. ч.: им. п. *wissa*, *wissan*, род. п. (неопределенного рода) *wissas*.

К разряду неопределенных относятся как собственно неопределенные местоимения (*ains* 'один', 'некий', употребляемое и в качестве неопределенного артикля, см. 2.3.7.), так и отличительное 'другой', 'иной', представленное формами: вин. п. ед. ч. (м. р. или ж. р.) *kittan* и вин. п. мн. ч. м. р. *kittans*.

Определительные местоимения представлены словом *subs* 'сам' (вместе с *stas* — 'тот самый'); в ряде случаев оно соответствует немецкому возвратному местоимению. Отмечены формы:

м. р. — ед. ч.: им. п. *subs*, *sups*, род. п. *subsai*, *supsei* и *supsas*, дат. п. *subbsmu*, *supsmu*, вин. п. *subban*; мн. ч.: вин. п. *subbans*;

ж. р. — ед. ч.: им. п. *subbai*, дат. п. *suppai*, вин. п. *subban*;

ср. р. — ед. ч.: вин. п. *subban*.

Вопросительно-относительные местоимения представлены словом *kas* 'кто', 'что', 'который' и местоимением-прилагательным *kawīds* 'какой', 'каковой'. Их парадигмы представлены сравнительно полно:

	М. р.	Ж. р.	Ср. р.	М. р.	Ж. р.	Ср. р.
	Ед. число					
Им.	<i>kas</i>	<i>quai, quoi</i>	<i>ka</i>	<i>kawīds</i>	<i>kawīda</i>	<i>kawīdan</i>
Род.					<i>kawīdsa</i> , в.м. * <i>kawīdsas</i> ?	
Дат.	<i>kasmu</i>		<i>kasmu</i>	<i>kawīdsmu</i>	<i>kawīdsai</i>	<i>kawīdsai</i>
Вин.			<i>ka, kai, kan</i>	<i>kawīdan</i>	<i>kawīdan</i>	<i>kawīdan</i>
Твор.			<i>ku</i>			
	Мн. число					
Им.	<i>quai, quoi</i>			<i>kawīdai</i>		
Вин.	<i>kans</i>			<i>kawīdais</i>	<i>kawīdais</i>	

Глагол

В глаголе различаются три типа основ: презентные, претеритальные и инфинитивные. На их базе образуются конкретные формы глагольной парадигмы. Наибольшим разнообразием обладают презентные основы. Они делятся на два класса: атематические и тематические. К атематическому классу относится несколько глаголов, засвидетельствованных в ограниченном объеме:

'быть' — 1 л. ед. ч. *asmai*, *asmu*, 2 л. ед. ч. *assei*, *essei*; 1 л. мн. ч. *asmai*, 2 л. мн. ч. *astai*, *estei*, *asti*; 3 л. *ast*, *est*;

'идти' — 1 л. мн. ч. (*per*)*ēimai*; 2 л. ед. ч. *ēisei*; 3 л. *ēit*;

'дать' — 2 л. ед. ч. *dāse*; 3 л. *dāst*;

'знать' — 1 л. мн. ч. *waidimai*; 2 л. ед. ч. *waisei*; 2 л. мн. ч. *waiditi* (инфинитив *waist*).

К тематическому классу относятся глаголы с основами на *-ā-*: *bia* 1 л. ед. ч. наст. вр. от *biātwēi* 'бояться', *lāiku* 1 л. ед. ч. наст. вр. от 'держат' и др., на

-i-: *turūt(wei)* 'иметь', *kirdīmai* 1 л. мн. ч. наст. вр. от 'слышать' и др.; на *-o-*: *imma* 1 л. ед. ч. наст. вр. от 'брат', *giwassī* 2 л. ед. ч. наст. вр. от 'жить' и т. п. с разными подтипами: *-uo-*, *-sto-*, с инфиксом, *-no-*, *-jo-*; на *-oujo-*: *dinkauia 1 л. ед. ч. наст. вр. от 'благодарить', *pogerdawie* 3 л. наст. вр. от 'проповедовать' и др.; на *-ījo-*: *cixtia* 1 л. мн. ч. наст. вр. от 'крестить', *madliti* 'молить' и др.; на *-ējo-*: *druwē* 1 л. ед. ч. наст. вр. от 'верить', *seggē* 1 л. ед. ч. наст. вр. от 'делать' и др.; на *-ājo-*: *maitā* 3 л. наст. вр. от 'кормить', *peisāi* 3 л. наст. вр. от 'писать' и др.; на *-inā-* (*-ja-*): *posinna* 1 л. ед. ч. наст. вр. от 'узнавать', *spartina* 3 л. наст. вр. от 'усиливать' и др.

Данные о претеритальных основах далеки от полноты. Прежде всего выделяются основы на *-ā-* (*kūra* 'строил', *prowela* 'предал') и на *-ē-* (*weddē* 'привел', *ismigē* 'заснул'). Имеются основы на *-āi*, *ā-* и *-ū-*, восходящие к и.-е. *āje*-основам (последний гласный этого комплекса исчез, как и *-j-* в положении после *-ū-*; после *-a-* это *-i-* в одних случаях исчезло, в других сохранилось): *signai* и *ebsignā* 'благословил', *billai* 'сказал', *widdai* 'увидел', *postāi* 'стал', *dai* 'дан', *endeirā* 'взирал', *teikū* 'создал'. Зафиксирована изолированная претеритальная основа, восходящая к **bē-*: *bēi*, *bei*, *be* 'был'.

Выделяется особый тип инфинитивных основ (часть слова по отделению инфинитивных флексий): *boūt* (*bū-ton*) 'быть', *lim-twei* 'ломать', *gērb-t* 'говорить', *cixti-twi* 'крестить', *atrā-twei* 'отвечать', *druwī-t* 'верить', *kirdī-t* 'слышать', *gir-twei* 'хвалить', *gallin-twei* 'убивать' и т. п.

Разные типы сочетаний этих трех основ образуют типы спряжения глагола. Согласно одной из последних классификаций, выделяются типы спряжения:

I. Первое спряжение: старые глагольные основы на *-e-/o-*:

1а) корневая основа инфинитива и такая же основа презенса: *īmt* 'брат', 3 л. наст. вр. *imma*;

1б) основа инфинитива на старое *-ē-*, в презентной основе тематический гласный *-a-*: *giwīt* 'жить', 3 л. наст. вр. *giwa*;

1с) корневая основа инфинитива, основа презенса на *-n-*: *pogaut* 'получить', 3 л. наст. вр. *pogaunai*;

1д) корневая основа инфинитива, основа презенса с назальным инфиксом: *polinka* 3 л. наст. вр. от 'оставлять';

1е) корневая основа инфинитива, основа презенса на *j*: *poūt*, *poutwei* 'пить', 2 л. мн. ч. императива *poieiti*;

1ф) корневая основа инфинитива, основа презенса с исходом на палатализованный согласный (из сочетания с *j*): *girtwei* 'хвалить', 1 л. мн. ч. кондиционалиса *girrimai*;

1г) вторичный глагол с элементом на *-in-*: *kumpint* 'нарушить', 3 л. наст. вр. *kūmpinna*;

1h) вторичный глагол с элементом *-ī-*: *cixtitwi* 'крестить', 1 л. ед. ч. наст. вр. *cixtia*;

1i) вторичный глагол с элементом *-au-*: *dīnkaut* 'благодарить', 1 л. ед. ч. наст. вр. *dīnkama*.

II. Второе спряжение: основа презенса на *-ī-*, основа инфинитива на *-ē-*: *druwīt* 'верить', 1 л. ед. ч. наст. вр. *druwē*.

III. Третье спряжение: основа презенса на *-ā-*:

3а) основа инфинитива на *-ī-*: *perklanūt* 'проклонить';

3b) основа инфинитива на *-ā-*: *biātwei* 'бояться'.

IV. Четвертое спряжение: старые атематические глаголы: *dāt(wei)* 'дать', 3 л. наст. вр. *dāst*.

Различные аномальные спряжения: *waist* 'знать', 2 л. ед. ч. наст. вр. *waisei*; *madlīt* 'молить', 1 л. мн. ч. наст. вр. *madlimai*; *polāikī* 'оставаться' и др.

В общем виде набор флексий в спряжении глагола можно представить следующим образом:

	Атематическое спряжение	Тематическое спряжение
1 л. ед. ч.	<i>-mai</i>	?
2 л. ед. ч.	<i>-sei, -sai, -se</i>	<i>-si</i>
1 л. мн. ч.	<i>-mai</i>	<i>-mai</i>
2 л. мн. ч.	<i>-ti, -tei, -tai</i>	<i>-ti, -tei, -tai</i>
3 л.	<i>-t(i), -tits</i>	<i>-θ, -ts</i> (только в ед. ч.)

Приметами императива являются: *-ais/-aiti* (*immais/immaiti* 'бери', *dais/dāiti* 'дай'), *-eis/-eiti* (*jeis/jeiti* 'иди', *wedeys* 'веди', *crixteiti* 'крестите'), *-īs/-ī(e)i* (*endiris* 'смотри', *billitei* 'говорите'); единичные случаи императива: *-aus/-auti* (*gerdaus* 'говори', *dīnkauti* 'благодарите'), *-s/-tei* (*teiks* 'поставь', *powiērp̄tei* 'оставьте').

Признаком кондиционалиса служит глагольная частица *-lai*, присоединяемая к основе инфинитива (*boūlai* от глагола 'быть', *eilai* от 'идти', *imlai* от 'брать', *quoitilai*, *quoitilaisi*, *quoitilaiti* от 'хотеть').

Признаки оптатива: *-sei, -se, -sai, -si* (*boūsei* от 'быть', *dārsai* от 'дать', *tussise* от 'молчать', *absignāsi* от 'благословить').

Примеры парадигм спряжения глагола

	<i>boūt(on)</i> 'быть'	<i>ēit</i> (<i>perēit</i>) 'идти' (приходить)	<i>dātwei</i> 'дать'	<i>īmt</i> 'взять'	<i>druwīt</i> 'верить'	<i>seggūt</i> 'делать'	<i>turīt</i> 'иметь'	<i>postāt(wei)</i> 'стать'	<i>quoit-</i> 'хотеть'
Настоящее время									
1 л. ед. ч.	<i>asmai</i> <i>asmu</i> <i>asmau</i>			<i>imma</i>	<i>druwē</i> (?)	<i>segge</i> (?)			
2 л. ед. ч.	<i>assai</i> <i>essei</i>	<i>ēisei</i>	<i>dāse</i>		<i>druwēse</i>	<i>seggēsei</i>			
1 л. мн. ч.	<i>asmai</i>	<i>perēimai</i>		<i>immimai</i>	<i>druwēmai</i>	<i>seggēmai</i>	<i>turrimai</i>	<i>postanimai</i>	<i>quoitāmai</i>
2 л. мн. ч.	<i>astai</i> <i>estei</i>			<i>immatī</i>	<i>druwētei</i>	<i>seggētei</i>	<i>turriti</i>		
3 л.	<i>ast</i> <i>est</i> <i>astits</i>	<i>ēit</i>	<i>dāst</i>		<i>druwē</i>	<i>segē</i>	<i>turri</i>	<i>postānai</i>	
Прошедшее время									
3 л.	<i>bē</i> <i>bēi</i>		<i>dai</i> <i>daits</i>	<i>immats</i> <i>imma</i>				<i>postāi</i>	

Будущее время									
2 л. ед. ч.								<i>postāsei</i>	
3 л.	<i>boūsei</i> (?) <i>bousai</i> (?)		<i>dāσαι</i> (?)						
Императив									
2 л. ед. ч.	<i>seisei</i>	<i>jeis</i>	<i>dais</i>	<i>imais</i>		<i>segitei</i>			
2 л. мн. ч.	<i>seīti</i>	<i>jeiti</i>	<i>dāiti</i>	<i>ymaity</i>					
Кондиционалис									
2 л. ед. ч.									<i>quoitilaisi</i>
1 л. мн. ч.							<i>turrilimai</i>		
2 л. мн. ч.									<i>quoitilaiti</i>
3 л.	<i>boūlai</i>	<i>perēilas</i>		<i>imlai</i>			<i>turrilai</i>		<i>quoitiljai</i>
Оптатив									
3 л.	<i>boūsei</i> <i>bousai</i>	<i>pereis</i> <i>pareysej</i>							
Инфинитив									
	<i>boūt(on)</i> <i>būton</i>	<i>perēit</i>	<i>dāt</i> <i>dātwei</i> <i>daton</i>	<i>īmt</i>	<i>druwīt</i>	<i>seggūt</i>	<i>turīt</i> <i>turrītwei</i>	<i>postāt</i> <i>postātwei</i>	
Супин									
	<i>boūton</i> (?) <i>būton</i> (?)		<i>daton</i> (?)						

Некоторые формы склонения причастий

Настоящее время действительного залога:

м. р. — ед. ч.: им. п. *skellānts* 'виновный', род. п. *niaubillintis* 'несовершеннолетнего', дат. п. *emprikisentismu* 'присутствующему', 'настоящему'; мн. ч.: им. п. *skellāntei/skellāntai* 'виновные', вин. п. *waitāintins* 'говорящих';

ж. р. — ед. ч.: дат. п. *niaubilintai* 'несовершеннолетней', вин. п. *nidruwīntin* 'неверующую'.

Прошедшее время действительного залога:

м. р. — ед. ч.: им. п. *dāuns* 'давший', вин. п. *ainangimmusin* 'единорожденного'; мн. ч.: им. п. *aupallusis* 'нашедшие', вин. п. *aulausins* 'умерших', 'покойных';

ж. р. — ед. ч.: им. п. *aulausē* 'умершая', 'покойная'; мн. ч. им. п. *postāuns* 'становившиеся';

ср. р. — ед. ч.: им. п. *engemmons* 'врожденное', 'прирожденное'.

Прошедшее время страдательного залога:

м. р. — ед. ч.: им. п. *dāts* 'данный', вин. п. *perklantīton* 'проклятого'; мн. ч. им. п. *ankaitītai* 'соблазненные', 'потревоженные', *pogautei* 'полученные';

ж. р. — ед. ч.: им. п. *imīā* 'взятая';

ср. р. — ед. ч.: им. п. *dāton* 'данное'.

2.5.0. Морфосинтаксические сведения.

2.5.1. Наиболее распространенной моделью слова в П.я. нужно считать биномную структуру, образуемую основой слова и флексией, хотя существует и ряд неизменяемых слов, актуально вообще не членимых на части или даже членимых, но сохраняющихся как устойчивое целое. К таковым относятся обычно частицы, союзы, предлоги, наречия. В основном речь идет о словечках-монолитах, обретающих свой смысл в сочетаемости со словами, по отношению к которым они исполняют свою служебную функцию. Среди них предлоги (см. 2.3.7.); некоторые из них могут выступать и как префиксы, ср. *en-*, *em-*, *is-*, *na-*, *nā-*, *po-*, *pa-*, *pagār-* 'рядом', 'наряду с', *per-*, *pēr-*, *par-*, *pra-*, *prā-*, *pro-*; *prei-*, *prēi-*, *sen-*, *san-*. Только в виде префиксов выступают *ab-leb-*, *at-let-*, *au-*. Такими же словами-монолитами оказывается и большая часть союзов (см. 2.3.7.). Следует упомянуть и некоторые наречные образования и вопросительные и относительные местоимения типа *stwen* 'там' (ср. *stwendau* 'отсюда', 'оттуда', но и *isstwendau*, *isquendau*, то же, ср. *iswinadu* 'вовне' и пр.), *stwi* 'тут', *schan*, *schien* 'здесь', 'сюда', *schai* 'здесь', но и *tīt* 'также', *tītet* 'так', 'так же', *tēnti* 'теперь', *quei* 'где', 'где?', *ainat* 'всегда', *tūlan* 'много', *ilgai* 'долго', *gantzei* 'полностью', *sausai* 'сухо' и т. п., не говоря уже о более отчетливо структурированных наречиях.

Довольно много случаев, когда слово представляет собою цепочку из трех-четырех морфов, но существуют и последовательности, состоящие из пяти-шести членов, ср.: *ni-seil-ew-ing-is* 'нерадивый', 'ленивый', *ni-teis-īng-isk-ān* 'бесчестный', *ni-eb-win-ūt-s* 'ненаказуемый', *po-klūs-m-ing-isk-an* 'послушно', *ni-teis-īw-ing-in-s* 'распутный', *po-warg-ew-ing-isk-an* 'плачевный', 'жалкий' и др.

2.5.2. В словообразовании используются прежде всего суффиксы и префиксы, а также морфонологические средства: ударение, интонация, количество гласных (долгота/краткость), чередование; также используется редупликация и словосложение, широко представленное как топономастической, так и апеллятивной лексикой.

Основным приемом словообразования в П.я. является суффиксация. Инвентарь суффиксов достаточно велик; кроме того, они нередко образуют целые цепочки суффиксов до трех и даже более членов; опорный согласный суффикса часто распространяется разными гласными, что в сумме и образует всё многообразие суффиксов.

Наиболее распространены суффиксы: с элементом *j*: *-ij-*, *-oj-*, *-aj-*, *-uj-* и др. (топонимы *Lymaio*, *Kraxtoye*, *Lausyēn*, *Laxduy*, *wosee* 'коза'); с элементом *v*: *-av-*, *-ev-*, а также с распространением их другими суффиксами (*gabawo* 'жаба', *Dargaw*, топоним, *garrewingi* 'пыльный'); с элементом *n*: *en-*, *-an-*, *-in-*, *-īn-*, *-ain-*, *-ein-*, *-ūn-*, *-on-*, *-sen/-sn-*, *-men-* и др. (*Maldenne*, топоним, *kartano* 'шест', *gleuptene* 'отвал плуга', *aulinis* 'голенище', *Margynne*, топоним, *malunis* 'мельница', *Kumrone*, топоним, *crixtisna* 'крещение', *etwerpsennian* 'отпущение'); с элементом *m*: *-im-*, *-aim-*, *-eim-*, *-am-*, *-om-* (имена собственные *Burtims*, *Thoayme*, *Candeym*, *Geddām*); с элементом *l*: *-el-*, *-al-*, *-il-*, *-ail-*, *-eil-*, *-ul-*, *-tl/-kl-* и др. (*Grabelle*, имя собственное; *wobilis* 'клевер', *scritayle* 'косяк', *crypeyle* 'лягушка',

gramboale 'жук', *Mattulle*, имя собственное, *gurcle* 'глотка'); с элементом *k*: *-ik-*, *-īk-*, *-eik-*, *-uk-*, *-nīk-* и др. (*prēisiks* 'враг', *dellijcks* 'предмет', *Jodeijko*, имя собственное, *gaylux* 'горностай', *balgninix* 'седельщик'); с элементом *g*: *-ing-*, *-ang-*, *-ung-* (*ragingis* 'олень', букв. 'рогатый', *Marang*, *Marange*, имена собственные); с элементом *t*: *-at-*, *-ait-*, *-it-*, *-ut-*, *-aut-*, *-ot-*, *-ant-*, *-int-*, *-ent-*, *-ti-*, *-sti-*, *-ūst-*, *-ist-*, *-tav/-t(u)v-* и др. (*meltan* 'мука', *giwato* 'жизнь', *krichaytos*, род сливы, *Pelite*, *Brangut*, *Alsaute*, *Galanten*, *Massinte*, топонимы; *sarote* 'капн', *smunents* 'человек', *granstis* 'сверло', *saxtis* 'кора', *etnistis* 'милость', *eristian* 'ягненок', *cestue* 'щетка'); с элементом *s*: *-us/-uz-* (*Paxis*, *Globse*, *Darguse*, имена собственные; *merguss* 'девица'). В словообразовании прилагательных чаще всего выступают суффиксы *-ing-*, *-isk-*, *-ingisk-*, *-ik-*, *-in-* и др. (*drawingin* 'верующий', *prūsiskan* 'пруссский', *niteisīngiskan* 'неправедный', *debikan* 'большой', *gurīns* 'бедный'). Нередки цепочки суффиксов *-av-ing-*, *-ev-ing-*, *-av-isk-*, *-ev-isk-*, *-av-ing-isk-*, *-ev-ing-isk-*, *-en-ik-* и т. п.

В словообразовании имен и особенно глаголов значительную роль играют префиксы: *pa-/po-* (*pokānst* 'защищать', *padaubis* 'долина'), *per-* (*perēit* 'приходить', *pērgimnis* 'природа'), *prei-* (*preipist* 'приносить', *preitalis* 'наковальня'), *pra-* (*pralieten* 'пролитый', *pracartis* 'корыто'), *is-* (*ismaitint* 'потерять', *ispresnan* 'разум'), *sen-* (*senrīnka* 'собирать', *senskrempūsnan* 'морщина'), *na-/no-* (*nosēilis* 'дух'), *ep-/eb-*, *ap-* (*ebimmai* 'охватывать', *epwarrīnan* 'победа', *abstocle* 'крышка горшка'), *et-*, *at-* (*etwinūt* 'угощать', *etwerpsanman* 'отпущение', *atratwei* 'отвечать'), *au-* (*aulaut* 'умирать', *aumūsnan* 'смывание'), *en-* (*engauat* 'получать', *endirisna* 'смотрение'), *er-* (*erlaikūt* 'сохранять', *erains* 'каждый').

В П.я. довольно распространены двучленные слова типа татпуруша, состоящие из двух основ, отношения между которыми сопоставимы с падежными. Ср.: *dagagaydis* 'яровая пшеница' (букв. 'лета пшеница'), *kariawoytis* (*caryawoytis*) 'военный парад', 'смотр войску' (собственно — обращение предводителя к войску на своего рода войсковом вече), *crawwirps* 'кровопускатель', *laucagerto* 'куропатка' (букв. 'поля курица'), *malunakelan* 'мельничное колесо' ('мельницы колесо'), *malunastabis* 'мельничный жернов' (букв. 'мельницы камень'), *piwamaltan* 'пивной солод' (букв. 'пива солод'), *sperglawanag* 'перепелятник' (букв. 'воробей ястреб') и т. п. Весьма распространен этот тип сложения и в топономастике, в чем можно видеть продолжение старой индоевропейской традиции. Известно некоторое количество образований, основанных на частичном повторении корневого элемента, ср.: *bebrus* 'бобр', *gegalis* 'мелкий нырок' (*Columbus minor*), *geguse* 'кукушка', *penpalo* (читать — *perpalo*) 'перепелка', *pepelis*, *pipelko*, *pipalins*, порода птиц, *tatarwis* 'тетерев', *weware* 'белка', *werwirsis* 'жаворонок' и др. (характерно, что редуплицируются обозначения именно животных).

2.5.3. Синтаксис П.я. не исследован. В значительной степени это объясняется тем, что он в исключительно высокой степени является слепком с синтаксиса немецкого текста лютеровского «Малого Катехизиса». Почти во всех случаях синтаксическая конструкция прусской фразы рабски следует за разрыванием синтаксической схемы переводимой немецкой фразы. Общие черты синтаксиса прусского текста совпадают практически с таковыми в переводимом немецком тексте. П.я. свойствен номинативный строй предложения. Субъект и объект предложения обычно четко разграничены на морфологическом уровне, и это об-

стоятельство, видимо, открывает возможность для свободного порядка слов в предложении. Однако определить конкретно, как эта возможность реализуется, трудно, поскольку практически каждая фраза строится по образцу немецкой. Именно поэтому, в частности, было бы неправильно делать вывод о фиксированном порядке слов в П.я. на основании целого ряда фраз с «немецким» синтаксисом. В огромном большинстве случаев воспроизводится последовательность членов предложения: субъект — предикат — объект (SVO). Когда на первом месте не субъект, то на втором оказывается предикат, после которого следует субъект: *Bhe prei Wiran billa Deiws* 'И к мужу рек Бог' (нем. *Und zum Man sprach Gott*). В случае составного предиката объект ставится после первой части предиката: *Tou niturri kittans Deiws pagār mien turūtwei* 'Ты не должен других богов, наряду со мной, иметь' (нем. *Du sollt nicht andere Götter neben mir haben*). Положение определения относительно определяющего (перед или после) может быть разным и зависит от того, как решается этот вопрос в соответствующем месте немецкого текста.

Отмечены три типа предложений: повествовательные, вопросительные и восклицательные. В последних на первом месте обычно предикат (например в императиве) или звательная форма имени. Ядром предложения вообще можно считать схему: группа имени в именительном падеже + группа глагола. Группа имени может совсем отсутствовать (редко) или же развертываться в: 1) имя (существительное, прилагательное или местоимение); 2) имя и имя; 3) предлог и имя. Группа глагола может изредка отсутствовать (именные предложения) или развертывается в смысловой глагол в личной форме или в группу глагола-связки плюс наречие; смысловой глагол в личной форме может развертываться в смысловой глагол в личной форме и имя не в именительном падеже, а группа глагола-связки — в личный глагол-связку.

2.5.4. Предложение описанной структуры может повторяться циклически, образуя сложносочиненные (бессоюзные и союзные, с союзами *ba* 'и', *scleit/schläit/schläit(s)* 'но', *anga* 'ли', 'или') или сложноподчиненные предложения. Последние образуются с помощью союзов *kāi* 'что', 'чтобы', *kāigi* 'как', 'подобно', *ikai* 'если', *kad(d)en* и *kan* 'когда', *beggi* 'так как', 'потому что': *As Druwē kai Jesus Christus isarwiskas Deiws esse Deiwan Tawan en prābūtskan gemmons...* 'Я верю, что Иисус Христос истинный Бог от Бога Отца в вечности родившийся...', *Jous Wijrai milijti ioūsans Gennans kāigi Christus milijuns ast stan perōnin...* 'Вы, мужья, любите ваших жен, подобно тому как Христос любил общину...', *Kadden Deiws wissan wargan prātin bhe quāitan lemlai bhe kūmpinna... noūmans...* 'Когда Бог всякий злой помысел или желание сокрушит и изменит, то... нам...', *...bhe ickai ainonts ēnstan turīlai preiwaītiat stas segē stan en kērdan...* '...и если кто-нибудь об этом скажет, тот сделает это вовремя...'. Части сложноподчиненного предложения могут соединяться при помощи относительных местоимений типа *kawids* 'какой', 'каковой', *kas* 'кто', 'который', 'что' и т. п. В ряде случаев сложноподчиненные предложения не вполне выдерживают соответствие переводимой немецкой фразе.

2.6.0. Лексика П.я. известна в ограниченном объеме. Тексты трех Катехизисов и два словарика (см. 1.4.0.) насчитывают около 2250 лексем. Значительная часть слов ориентирована на передачу понятий и реалий христианской религии и риту-

ала. Так как принятие христианства у пруссов произошло поздно и существовали объективные языковые трудности при создании соответствующей терминологии, приходилось в одних случаях приспособлять к новым потребностям исконно прусские, «нетерминологические» слова, в других прибегать к заимствованиям из соседних языков, в третьих создавать термины экспериментального характера (в Катехизисах). В этом смысле можно говорить о немалом количестве лексических новообразований в П.я. и отчасти о некоторой ограниченности словаря, проистекающей из того, что единственно известные прусские тексты принадлежат к числу узко-конфессиональных и все воспроизводят Катехизис в краткой и более полной форме. Однако благодаря словарикам этот недостаток компенсируется удачным распределением имеющегося лексического материала по разнообразным семантическим группам.

Наиболее обширный пласт лексики П.я. составляет индоевропейское наследие, представленное в достаточно полной мере и, как правило, в архаической форме, свойственной балтийским языкам. Многие лексемы этого слоя, сохранившиеся в П.я., отмечены и в других балтийских языках и должны рассматриваться как общепрусский фонд. Примеры: *ansonis* 'дуб' — литов. *ąžuolas*, латыш. *uõzuõls*; *genix* 'дятел' — литов. *genys*, латыш. *dzenis*; *deicktas* 'место' — литов. *dāiktas*, латыш. *daikts* и др. Еще больше в П.я. лексических балтизмов, которые имеют соответствия только в литовском или только в латышском языке: *duckti* 'дочь' — литов. *duktė*; *raples* 'щипцы' — литов. *rėplės*; *ausis* 'золото' — литов. *duksas*; *krawian* 'кровь' — литов. *kraujas* и др.; *nabis* 'пуп' — латыш. *naba*; *salme* 'солома' — латыш. *saļmi* и др. П.я. обладает достаточным количеством балтийских лексем, не отмеченных в литовском и латышском: *aglo* 'дождь', *ayculo* 'игла', *būtai* 'вечером', *dadan* 'молоко', *emnes* 'имя', *gaylis* 'белый', *garbis* 'гора', *kails* 'здоровый', *camstian* 'овца', *kelan* 'колесо', *pintis* 'путь', *seggī* 'делать', *stallit* 'ставить', *wipyuan* 'облако' и др.

Вне балтизмов в узком смысле слова заслуживают внимания те старые лексические элементы, которые объединяют П.я. со славянскими: *arwis* 'воистину' — слав. *орвьнь — рус. *ровный*, *assanis* 'осень' — рус. *осень*, *austo* 'рот' — рус. *уста*, *eyswo* 'язва' — рус. *язва*, *geits* 'хлеб' — рус. *жумо*, *insuwis* 'язык' — ст.-слав. **ѢЗЫКЪ**, *malda* 'молодые' — рус. *молодой*, *pintis* 'путь' — ст.-слав. **ПЪТЬ**, *tisties* 'тесть' — ст.-слав. **ТЪСТЬ** и др.

Лексика П.я. содержит значительное число заимствований. Прежде всего источниками заимствований были соседние славянские и германские языки.

Число славянских заимствований очень велико. О самом древнем слое судить практически невозможно, так как критерии различения «балтийского» и «славянского» отсутствуют. Впервые с известной надежностью можно говорить о славянских заимствованиях в П.я. с VII–VIII вв. по X–XI в.: *mednice* 'чаша' (ср. польск. *miednica* 'таз'), *naricie* 'хорек' (ср. рус. *норка*), *ratinsis* 'цепь' (ср. др.-рус. **РЕТАЗЪ** 'цепь'), *calene* 'сарай' (ср. польск. *kolnia* 'сарай'), *caryangus* 'хоругвь', *nadele* 'воскресенье' (ср. др.-рус. **НЕДѢЛЯ** 'воскресенье'), *sabatico* 'суббота', *dusi* 'душа', *swetan* 'мир', *waldwico* 'рыцарь' (ср. рус. *владыка*), *mestan* 'город' (ср. др.-рус. **МѢСТО** 'город'), *somukis* 'замок', *pyculs* 'преисподняя' (ср. рус. *пекло*) и др. Эти древнейшие заимствования делались из тех диалектов позднепраславянского языка, которые легли в основу польских и белорусских диалектов. Эпо-

ха интенсивного заимствования продолжалась и позже, вплоть до XIII в., когда преобладающим стало влияние немецкого языка. До этого времени в П.я. вошло значительное число славизмов (прежде всего полонизмов) из разных сфер лексики: хозяйственно-бытовой, социальной, духовно-религиозной (*maddla* 'молитва', *christionisto* 'христианство', *crixtitwi* 'крестить', *crixtisna* 'крещение', *kumetis* 'крестьянин', *ludis* 'хозяин', *tallokinikis* 'свободный человек', *supuni* 'госпожа', *grikas* 'грех', названия дней недели и др.).

Многочисленны в словаре П.я. германские заимствования. Древнейший слой отражает контакты с готским языком в низовьях Вислы в первые века нашей эры: *kelmis* 'шапка', *ilmis* 'хозяйственная надстройка шлемовидной формы' из готск. **hilm(a)s* 'шлем'; *rikijs* 'господин', может быть *kāupiskan* 'торговля', *catils* 'котел' и др. Ряд слов был заимствован из древневерхнемецкого — прямо или через славянское посредство: *brunjos* 'броня', 'панцирь', *bugo* 'седельная лука', *galdo* 'корыто' и др. Германские заимствования входили в П.я. и позже — как из верхнемецкого: *adder* 'или', *engels* 'ангел', *er-* (нем. *er-*), *grundalis* 'пескарь', *iumprawan* 'девица' (нем. *jungkfrauen*), *kelkis* 'чаша', *murrawuns* 'роптавший', *retenikan* 'избавитель', 'Спаситель', *russis* 'конь', *smerringis*, растение из вьюрковых (*Cobitis barbatula*), *surgaut* 'заботиться', *werts* 'достойный', 'стоящий' и др., так и особенно из нижнемецкого: *bile* 'топор', *broakay*, род штанов, *instran* 'жир', 'сало', *clines* 'отруби', *konagis* 'король', *penningans* 'деньги', *predickerins* 'священник', *rapis* 'жерех', *reisan* 'раз', *reckenausnan* 'отчет', *stakamecczeris* 'нож для заклания' и др. Германизация словаря П.я. происходила вплоть до полного онемечения языка; прусские слова сохранялись только как диалектизмы в говорах немецкого языка в Восточной Пруссии.

2.7.0. Главные фонетические различия двух диалектов состоят в том, что в помезанском диалекте: 1) после заднебных и лабиальных *a* перешло в *o*; 2) *ā* перешло в *ō*, тогда как в самбийском переход *ā* в *ō* или *ū* имел место только после заднебных и лабиальных; 3) *ē* сохранялось в отличие от самбийского, где оно перешло в *ī*; 4) *ō* сохранилось в отличие от самбийского, где оно в ударном положении после лабиального переходило в *ū*; 5) *ī* сохранялось, тогда как в самбийском оно подвергалось дифтонгизации; 6) *ū* сохранялось, а в самбийском оно давало дифтонг; 7) в отличие от самбийского сохранялось *ei* из балт. *iau; 8) *tl* переходило в *cl*, тогда как в самбийском оно удерживалось; 9) *ō-* и *u-* в анлауте получали в качестве протезы *v-*. В области морфологии различия состоят в том, что в помезанском диалекте: 1) в основах на *-a-* (и.-е. **-o-*) сохраняется средний род; 2) флексия именительного падежа единственного числа основ на *-a-* представлена как *-is*, *-s*, тогда как в самбийском — *-as*, *-s*; 3) в именительном падеже множественного числа от основ на *-ā-* и *-ē-* сохраняются флексии *-as* и *-es* при том, что в самбийском они вытеснены флексией *-ai*; 4) удерживаются некоторые архаичные основы на согласный. Известны и собственно лексические расхождения между диалектами (первые члены сравнения принадлежат помезанскому, вторые — самбийскому: *rapa* — *engels* 'ангел', *cawx* — *pickūls* 'черт', *smoy* — *wijrs* 'муж', *wayklis* — *soūns* 'сын', *plonis* — *arrien* 'ток', 'гумно', *samyen* — *laucks* 'пашня', *alne* — *swīrins* 'зверь' и др. Внутри самбийского диалекта говор второго Катехизиса и «Энхиридиона» в ряде случаев противостоит говору первого Катехизиса.

ЛИТЕРАТУРА

- Брейдак А. Б. Данные древнепрусского языка для решения некоторых спорных проблем истории балтийского вокализма // *Linguistica Baltica*, 1992, vol. 1.
- Дамбе В. Соответствия в топонимии Латвийской ССР с древнепрусским языком // *Baltistica*, 1972, I priedas.
- Даубарас Ф. Эксклюзивные прусско-курские гидронимы // *Baltistica*, 1978, XIV₍₁₎.
- Даубарас Ф. О связях прусских гидронимов с названиями животных и птиц // *Baltistica*, 1978, XIV₍₂₎.
- Даубарас Ф. Прусская гидронимия: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вильнюс, 1990.
- Дини П. У. Балтийские языки / Пер. с итал. М., 2002.
- Карулис К. Прусский текст XVII века // Балто-славянские исследования 1985. М., 1987.
- Льчиц-Федорец И. И. О возможных древних чешско-балтийских лексических связях // *Baltistica*, 1989, III₍₁₎.
- Мажюлис В. Заметки по прусскому вокализму // Вопросы теории и истории языка. Л., 1963.
- Непокупный А. П. Прусское табу: *mosuco* E 662 'ласка' как диминутив от *moazo* E 178 'тетя' // *Baltistica*, 2002, XXXVII₍₁₎.
- Палмай蒂斯 М. Л. (*Kluisis M.*). Базовый русско-прусский словарь для дальнейшей рекреации лексики (замландский диалект) = *Bāziskas prūsiskai-guddiskas wurdēins per tālaisin laksikis rekreaciōnin* (Sembas dialektēs). Vilnius, 1998–1999.
- Палмай蒂斯 М. Л., Топоров В. Н. От реконструкции старопрусского к рекреации новопрусского // Балто-славянские исследования 1983. М., 1984.
- Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской / Пер., статья, примечания, библиография В. И. Магузова. М., 1997.
- Смочинский В. Эльбингский словарь: эмендация, чтения и этимология // Балто-славянские исследования 1987. М., 1989.
- Топоров В. Н. К вопросу о топонимических соответствиях на балтийских территориях и к западу от Вислы // *Baltistica*, 1966, I₍₂₎.
- Топоров В. Н. О балтийских элементах в гидронимии и топонимии к западу от Вислы // *Slavica Pragensia*. Praha, 1966, t. 8.
- Топоров В. Н. О некоторых аспектах реконструкции в сравнительно-историческом исследовании балтийских языков. (Раздел 1. О прусском *kails и следах прусской поэтической традиции) // *Baltistica*, 1979, XV₍₂₎.
- Топоров В. Н. К объяснению нескольких «культурных» слов в прусском языке // Этимология 1978. М., 1980.
- Топоров В. Н. Прусс. *reddi* и под. как семантическая проблема // Балто-славянские исследования 1981. М., 1982.
- Топоров В. Н. Новые работы о следах пребывания пруссов к западу от Вислы // Балто-славянские исследования 1982. М., 1983.
- Топоров В. Н. О специфике балт. *lai и его индоевропейских параллелях: на стыке морфологии и синтаксиса // Балто-славянские исследования 1983. М., 1984.
- Топоров В. Н. Балто-славянское **lab-* как благожелание // *Slawistyczne studie jezykoznawcze*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1987.
- Топоров В. Н. Balto-Albanica // *Acta Baltico-Slavica*, 1987, t. 17.
- Топоров В. Н. Еще раз о балтизмах в чешских землях // *Slavia*, 1993, ročn. 62.
- Трубачев О. Н. Заметки по этимологии и ономастике на материале балто-германских отношений // Питання ономастики. Київ, 1965.
- Ambrazas S. Lietuvių ir prūsų kalbų santykiai žodžių darybos požiūriu // *Res Balticae*. Pisa, 1999.
- Bammersberger A. *Altpreußisch pagonbe* // *Res Balticae*. Pisa, 2000.
- Benveniste E. L'anaphorique prussien *din* et le système démonstratifs indoeuropéens // *Studi baltici*, 1933, vol. 3.
- Bezenberger A. Die Bildung der altpreussischen Personennamen // *Altpreußische Monatschrift*, 1876, Bd. 13.
- Biolik M. Pruskie nazwy miejscowe z terenu dawnego powiatu ostrzydzkiego nie znane G. Gerullisowi // *Acta Baltico-Slavica*, 1983, t. 15.
- Biolik M. Hydronimia dorzecza Pregofy z terenu Polski. Olsztyn, 1987.
- Biolik M. Pruskie nazwy osobowe zachowane w nazwach miejscowych z byłego pow. Ostrzydzkiego i ich litewskie odpowiedniki // *Acta Baltico-Slavica*, 1987, t. 18.
- Biolik M. Zuflüsse zur Ostsee zwischen unterior Weichsel und Pregel // *Hydronimia Europaea* 5, 1989 (Stuttgart).

- Biolik M.* Old Prussian *mary* in toponyms of the Warmia and Mazury districts // *Linguistica Baltica*, 1993, vol. 2.
- Biskup M., Labuda G.* Dzieje Zakonu Krzyżackiego w Prusach. Gdańsk, 1988.
- Blažek V.* Baltic *[ ]lākiā- m. / *[ ]lākiā f. 'bear' // *Linguistica Baltica*, 2000, vol. 8.
- Blažek V.* Old Prussian arboreal terminology // *Linguistica Baltica*, 2001, vol. 9.
- Blažienė G.* Sembos prūsų vietovardžiai: Humanitarinių mokslų daktaro disertacija. Vilnius, 1993.
- Blažienė G.* Sembos vietovardžių klausimu // Prūsijos kultūra. Vilnius, 1994.
- Blažienė G.* Nauji prūsų vardyno duomenys // *Baltistica*, 1995, XXX₍₂₎.
- Blažienė G.* Die baltischen Ortsnamen im Samland // *Hidronymia Europaea*, 2000, Sonderband II.
- Blažienė G.* Die altpreussischen Orstnamen im Samland mit dem Suffix *-ī- // *Res Balticae*. Pisa, 2001.
- Brauer W. R.* Prußische Siedlungen westlich der Weichsel // *Unser Danzig*, 1981.
- Brauer W. R.* Prußische Siedlungen westlich der Weichsel. Versuch einer etymologischen Deutung heimatlicher Flurnamen. Siegen, 1983.
- Brauer W. R.* Baltisch-prussische Siedlungen westlich der Weichsel // *Quellen und Darstellungen zur Geschichte Westpreussens* 24. Münster, 1988.
- Brauer W. R.* Der Turmberg (Eine heimatkundliche Studie). Lübeck, s.a. [на правах рукописи].
- Brückner A.* Preussisch und Polnisch // *Archiv für slavische Philologie*, 1898, Bd. 20.
- Būga K.* Lietuvių tauta ir kalba bei jos artimieji giminaičiai // *Būga K.* Rinkiniai raštai. T. III. Vilnius, 1961.
- Bugalska H.* Toponimia byłych powiatów Gdańskiego i Tezowskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1985.
- Colloquium Pruthenicum Primum.* Papers of the First International Conference on Old Prussian held in Warsaw, September 30th – October 1st, 1991. Warszawa, 1992.
- Colloquium Pruthenicum Secundum.* Papers from the Second International Conference on Old Prussian held in Mogilany near Kraków, October 3rd–6th, 1995. Kraków, 1998.
- Daubaras F.* Priesagos -ng- prūsų hidronimiai // *Baltistica*, 1981, XVII₍₁₎.
- Daubaras F.* Iš prūsų hidronimijos // *Baltistica*, 1982, XVIII₍₂₎.
- Daubaras F.* Sudurtiniai prūsų hidronimai // *Baltistica*, 1983, XIX₍₂₎.
- Dini P. U.* Nochmals die NEUROI: Versuch einer etnolinguistischen Namensdeutung // *Baltistica*, 1996, XXXI₍₁₎.
- Dini P. U.* Linguistik und baltische Philologie: Preuß. EV 215 *perflantian* als tautologische Zusammensetzung // *Linguistica Baltica*, 1996–1997, vol. 5–6.
- Dini P. U.* Zwei neue altpreußische Wörter in *Thesaurus Polyglottus* (1609) von Hieronymus Megisser // *Colloquium Pruthenicum Secundum*. Kraków, 1998.
- Duda F.* Rozwój terytorialny Pomorza (wiek XI–XIII). Kraków, 1909.
- Eckert R.* Eine genaue Entsprechung zu *apr. kellewese* im Russisch-Kirchenslavischen // *Linguistica Baltica*, 1992, vol. 1.
- Eckert R.* Gibt es eine altpreussische Phraseologie? // *Colloquium Pruthenicum Primum*. Warszawa, 1992.
- Ehrlick B.* Die alten Preussen // *Der Ostdeutsche Volksboden*. Breslau, 1926.
- Endzelins J.* Prūšu tekstu grafika // *Filologu biedrības raksti*, 1935, XV [to же: Endzelins J. Darbu izlase. Rīga, 1980, III sēj., 2. daļa].
- Endzelin J.* Altpreussische Sprache. Rīga, 1944.
- Endzelins J.* Seprūšu valoda. Rīga, 1943 [to же: Endzelins J. Darbu izlase. Rīga, 1982, IV sēj., 2. daļa].
- Endzelins J.* Ievads baltu filoloģijā. Rīgā, 1945 [to же: Endzelins J. Darbu izlase. Rīga, 1982, IV sēj., 2. daļa].
- Endzelins J.* Par prūšu valodas radniecības sakariem // *Filologu biedrības raksti*, 1931, XI [to же: Endzelins J. Darbu izlase. Rīga, 1979, III sēj., 1. daļa].
- Euler W.* Das Altpreußische als Volkssprache im Kreise der indogermanischen und baltischen Sprachen // *Journal of Baltic Studies*, 1988, vol. 39.
- Euler W.* Personalpronomina im Altpreußischen: zur Frage nach ihrer Herkunft und ihrer Häufung in der dritten Person // *Linguistica Baltica*, 1992, vol. 1.
- Euler W.* Periphrastische Verbalkategorien im Altpreußischen // *Linguistica Baltica*, 1994, vol. 3.
- Falk O.* Das altpreussische Wort *lapinis* 'Löffel' // *Zbornik u čast P. Skoku o stotoj obljetnici rodenja*. Zagreb, 1985.

- Gerullis G.* Die altpreussischen Ortsnamen. Berlin; Leipzig, 1922.
- Gerullis G.* Zur Beurteilung des altpreussischen Enchiridions // *Streitberg Festgabe*. Leipzig, 1924.
- Gerullis G.* Muttersprache und Zweisprachigkeit in einem preussisch-litauischen Dorf // *Studi baltici*, 1932, vol. 2.
- Girdenis A., Rosinas A.* Some remarks on the vocalism and morphology of Old Prussian // *General Linguistics*, 1977, vol. 17, № 1.
- Golab Z.* The oldest ethnica referring to the Slavs: NEUROI and BOUDINOI in Herodotus's description of Scythica // *Onomastica*, 1974, t. 19.
- Górniewicz H.* Toponimia Powiśla Gdańskiego. Gdańsk, 1980.
- Górniewicz H.* Toponimia powiatu Starogardzkiego. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1985.
- Gudavičius E.* Baltų gentys V–VIII amžiuje. Rašytiniai šaltiniai apie to meto baltus // *Lietuvių etnogenezė*. Vilnius, 1987.
- Hamp E. P.* Old Prussian *lasto* 'bed' // *Linguistica Baltica*, 1994, vol. 3.
- Hamp E. P.* Old Prussian gen. sg. -as // *Linguistica Baltica*, 1994, vol. 3.
- Harnijanz H.* Volkskunde und Siedlungsgeschichte Altpreussens. Berlin, 1942.
- Hartknoch Ch.* Alt und Neues Preußen. Frankfurt; Leipzig, 1679 [2-е изд. 1684].
- Hennenborger C.* Kurtze und wahrhofftuge Beschreibung des Landes zu preussen. Königsberg, 1584.
- Hennenborger C.* Erklerung der Preussischen grösseren Landtaffel oder Mappen. Königsberg, 1595.
- Hermann E.* Wills Kenntniss des Preussischen // *Kuhn's Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen*, 1916, Bd. 47.
- Hinze F.* Pomoranisch-baltische Entsprechungen im Wortschatz // *Zeitschrift für Slawistik*, 1984, Bd. 29.
- Hinze F.* Einige Fälle von Übereinstimmung in der Struktur der Vogelbezeichnungskomposita im Deutschen und Altpreußischen // *Linguistica Baltica*, 1995, vol. 4.
- Hinze F.* Die altpreußischen Bezeichnungen der Wild-Avifauna und des Hausgeflügels // *Linguistica Baltica*, 1996–1997, vol. 5–6.
- Hinze F., Lorentz F.* Preussische Ortsnamen und Appellative im Raum links der unteren Weichsel // *Zeitschrift für slawische Philologie*, 1966, Bd. 11.
- Kabelka J.* Baltų filologijos įvadas. Vilnius, 1982.
- Karaliūnas S.* Dėl Prūsų etnonimo reikšmės ir kilmės // *Baltistica*, 1977, XIII₍₂₎.
- Karaliūnas S.* Aisčiai ir jų vardas // *Tarptautinė Baltistų Konferencija*. Vilnius, 1991.
- Karaliūnas S.* New findings in Prussian etymology. Names for foal and swine // *Colloquium Pruthenicum Primum*. Warszawa, 1992.
- Karaliūnas S.* The Aistians and the Problem of their ethnic identity // *The Indo-Europeanization of Northern Europe*. International Conference in Memoriam M. Gimbutas. Vilnius, 1994.
- Karp H. J.* Grenzen in Ostmitteleuropa während des Mittelalters. Ein Beitrag zur Entstehungsgeschichte der Grenzlinie aus dem Grenzraum. Köln; Wien, 1972.
- Kasiske K.* Die Siedlungstätigkeit des Deutschen Ordens im östlichen Preussen bis zum Jahre 1410. Königsberg, 1934.
- Kaukienė A.* Prūsų kalbos linksniavimo sistema ir jos kitimas // *Baltistica*, 1995, XXX₍₂₎.
- Kazlauskas J.* Prūsai ir jų raštai // *Pergalė*, 1967, № 4.
- Kerner-Zurawska M.* Materiały do dziejów osadnictwa Pomoranii // *Komunikaty mazursko-warmińskie*. Olsztyn, 1964, № 2.
- Kętrzyński W.* O narodowości polskiej w Prusach Zachodnich za czasów krzyżackich // *Studia historyczno-etnograficzne*. Rozprawy Akademii umiejętności. Wyd. historyczno-filozoficzny. Kraków, 1877, t. 1.
- Kętrzyński W.* O ludności polskiej w Prusach niegdyś krzyżackich. Lwów, 1882.
- Kiparsky V.* Das Schicksal eines altpreussischen Katechismus // *Baltistica*, 1968, IV₍₁₎.
- Kiparsky V.* Das Schicksal eines altpreussischen Katechismus (II) // *Baltistica*, 1970, VI₍₂₎.
- Kiparsky V.* Altpreussische Miscellen // *Donum Balticum to Prof. Chr. S. Stang*. Stockholm, 1970.
- Kluis M.* Naujosios prūsų kalbos gramatika. Vilnius, 1989.
- Kluis M., Stundžia B.* Pirmoji prūsų knyga. Vilnius, 1995.
- Kolbuszewski S. F.* Senprūšu *hapax legómena*: baltu u slavu leksika // *Baltistica*, 1989, III₍₁₎, priedas.
- Kortlandt F.* Old Prussian accentuation // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf*

dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, 1974, Bd. 88.

Kortlandt F. Historical laws of Baltic accentuation // *Baltistica*, 1977, XIII₍₂₎.

Kortlandt F. The Formation of the Old Prussian present tense // *Baltistica*, 1987, XXIII₍₂₎.

Kortlandt F. Old Prussian infinitives in *-ton* and *-twei* // *Symposium Balticum. A Festschrift to honour Prof. V. Rūķe-Draviņa*. Hamburg, 1990.

Kortlandt F. The Language of the Old Prussian Catechisms // *Res Balticae*. Pisa, 1998.

Kortlandt F. Double consonants in Old Prussian // *Res Balticae*. Pisa, 1999.

Kortlandt F. Old Prussian Participles // *Res Balticae*. Pisa, 2000.

Kortlandt F. Initial *a-* and *e-* in Old Prussian // *Linguistica Baltica*, 2000, vol. 8.

Kortlandt F. Diphthongization and monophthongization in Old Prussian // *Res Balticae*. Pisa, 2001, vol. 7.

Kraft-Skalwyna G. Grammatika prūsiskās kalbas, pobanda swaisēs ernaunsnas. Dieburg, 1982.

Kuzavinis K. Prūsų kalba. Vilnius, 1964.

Labuda G. Z stosunków językowych kaszubsko-pruskich // *Słowianie w dziejach Europy. Studia historyczne ku uczczeniu 75 rocznicy urodzin i 50-leciu pracy naukowej prof. H. Łowmiańskiego*. Poznań, 1974.

Labuda G. Zagadnienie osadnictwa ludności bałtyckiej na lewym brzegu dolnej Wisły we wczesnym średniowieczu // *Konferencja Pomorska. Prace Slawistyczne*, 12. Wrocław, 1979.

Levin J. F. Slavic Borrowings in the Elbing Vocabulary and their implication for Prussian Phonology // *General Linguistics*, 1972, vol. 12.

Levin J. F. The Slavic element in the Old Prussian Elbing Vocabulary. Berkeley; Los Angeles; London, 1974.

Levin J. F. Toward a graphology of Old Prussian monuments: the Enchiridion // *Baltistica*, 1976, XII₍₁₎.

Levin J. F. Graphology and sound change in Old Prussian // *Papers from the 5th International Conference on Historical Linguistics*. Amsterdam; Philadelphia, 1982.

Lewy E. Die altpreußischen Personennamen. Breslau, 1904.

Łowmiański H. The Ancient Prussians. Toruń, 1935.

Łowmiański H. Prusy pogańskie. Toruń, 1935.

Łowmiański H. Stosunki polsko-pruskie za pierwszych Piastów // *Przegląd historyczny*, 1950, t. XLI.

Mańczak W. Język staropruski a praocjezyzna Słowian // *Acta Baltico-Slavica*, 1987, t. 17.

Mańczak W. Origine du datif du type lituanien *vilk-ni* et prussien *sīr-u* // *Res Balticae*. Pisa, 1999.

Matasović R. Some thoughts on the Old Prussian Epigram // *Linguistica Baltica*, 2001, vol. 9.

Matthews W. K. Baltic Origin // *Revue des études slaves*, 1948, vol. 24.

Mažiulis V. Prūsų kalbos paminklai. Vilnius, 1966 [t. I]; 1981, t. II.

Mažiulis V. Zum preußischen bzw. baltischen Instrumental Singular // *Baltistica*, 1968, IV₍₁₎.

Mažiulis V. Seniausias baltų rašto paminklas // *Baltistica*, 1975, XI₍₂₎.

Mažiulis V. Zum Westbaltischen und Slawischen // *Zeitschrift für Slawistik*, 1984, Bd. 29.

Mažiulis V. Dėl prūsų grafinių taisymų // *Baltistica*, 1994, XXVII₍₂₎.

Mažiulis V. Prūsai ir kiti vakarų baltai // *Prūsijos kultūra*. Vilnius, 1994.

Michelini G. Prūsų kalbos nuosakų sistema // *Baltistica*, 1987, XXIII₍₂₎.

Michelini G. *Stas, -a dell'antico-prussiano nei testo e nel sistema* // *Annali della Facoltà di Lettere e Filosofia dell'Università della Basilicata*. Potenza, 1988, 2.

Michelini G. Der Artikel im Altpreussischen. Eine textsemantische Analyse // *Zeitschrift für Slawistik*, 1989, Bd. 34.

Mikalauskaitė E. Priešreformacinių laikų prūsų Teve Mūsų nuotrūpa // *Archivum Philologicum*, 1938, t. 7 (Kaunas).

Nesselmann G. H. F. Ein deutsch-preussische Vocabularium aus dem Anfange des 15. Jahrhunderts. Nach einer Elbinger Handschrift herausgegeben // *Altpreussische Monatsschrift*. Königsberg, 1868, Bd. 5.

Nesselmann G. H. F. *Thesaurus linguae prussicae*. Berolini, 1873.

Okulicz J. Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VII w. n. e. Wrocław, 1973.

Orël V. Baltic Hydronyms of the Vistula and Warta areas // *Tarptautinė Baltistų Konferencija*. Vilnius, 1991.

Ostrowski N. Die Verbalstämme im altpreussischen Enchiridion // *Linguistica Baltica*, 1994, vol. 3.

Otrebski J. Über die Herkunft des Preussennamens // *Lingua Posnaniensis*, 1955, t. 5.

Otrebski J. Beiträge zur baltisch-slawischen Namenskunde. 3. *Neriuani Neupoi* // *Beiträge zur Namenforschung*, 1961, Bd. 12 (Heidelberg).

Otrebski J. Zagadnienie Galindów // *Studia historica: W 35-lecie pracy naukowej H. Łowmiańskiego*. Warszawa, 1958.

Palmais M. L. Borussica // *Baltistica*, 1989, XXV₍₂₎.

Paradowski J. Osadnictwo w ziemi chełmińskiej w wiekach średnich. Lemberg, 1936.

Perlbach M. Die ältesten preussischen Urkunden // *Altpreussische Monatsschrift*. Königsberg, 1873, Bd. 10.

Perlbach M. Preussische Regesten bis zum Ausgang des 13. Jahrhunderts // *Altpreussische Monatsschrift*. Königsberg, 1874, Bd. 11.

Perlbach M. Regesten der Stadt Königsberg, 1256–1524 // *Altpreussische Monatsschrift*. Königsberg, 1881, Bd. 18.

Perlbach M. Preussisch-polnische Studien zur Geschichte des Mittelalters. I, II. Halle, 1886.

Peter von Dusburg. *Chronik des Preussenslandes...* Darmstadt, 1984 (Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters, Bd. XXV).

Petras Dusburgietis. Prūsijos žemės kronika / *Red. R. Batūra*. Vilnius, 1985.

Petri de Dusburg. *Chronicon Prussiae...* Francofurti et Lipsiae, Anno 1679.

Petit D. Vieux pruss. *lagno*, lit. *jėkno*: apophonie radicale et formation hétéroclitique // *Res Balticae*, 2002, vol. 8.

Pierson W. Altpreussischer Wörterschatz // *Zeitschrift für Preussische Geschichte und Landeskunde*, 1875, Bd. 12.

Plehn H. *Geschichte des Kreises Strassburg in Westpreussen*. Leipzig, 1900.

Popowska-Taborska N. Z rozważań nad językowymi związkami prusko-pomorskimi // *Rocznik Slawistyczny*. Warszawa, 1991, t. 47.

Pospizysłowa A. Toponimia południowej Warmii. *Nazwy miejscowe*. Olsztyn; Pojezierze, 1987.

Pott F. De Borusso-Lithuanice tam in Slavicis quam Letticis linguis principatu commentatio. Halle, 1837–1841, vol. 1–2.

Powierski J. Kształtowanie się granicy pomorsko-pruskiej w okresie od XII do początku XIV w. // *Zapiski historyczne*, 1965, t. XXX_(2, 3).

Powierski J. Najdawniejsze nazwy etniczne z teren Prus i niektórych obszarów sąsiednich //

Komunikaty mazursko-warmińskie. Olsztyn, 1965, № 2 (88).

Powierski J. *Nadrowia* // *Słownik starożytności słowiańskich*. Wrocław, 1967, t. 3, cz. 2; *Prusowie, Prusy* // tamże, 1970, t. 4; *Sambia* // tamże, 1975, t. 5; *Skalowia; Sudawowie* // tamże, 1975, t. 5.

Powierski J. Problem polsko-pruskiej granicy na Osie a osadnictwo ziemi płoweskiej // *Komunikaty mazursko-warmińskie*. Olsztyn, 1977, № 136.

Prūsa. *Kalānders per Mettan 1999*. Prūsiskų tekstų vertimas pažodinis / *Sud. L. Palmais*. Vilnius, 1998.

Przybytek R. *Ortsnamen baltischer Herkunft im südlichen Teil Ostpreußens*. Stuttgart, 1993.

Purkart J. The old Prussian Basel epigram: an interpretation // *General Linguistics*, 1983, vol. 23.

Robinson D. F. The Göttingen (ex-Königsberg) collection of Old Lithuanian and Old Prussian books // *General Linguistics*, 1972, vol. 12.

Rosenkranz B. *Zur Überlieferungsgeschichte des preussischen Vocabulars Simon Grunae* // *MNHMHΞ XAPIN*. Gedenkschrift P. Kretschmer. Wiesbaden; Wien, 1957, Bd. II.

Rudnicki M. *Nazwiska wielkopolskie typu Jany Brychcy* // *Sprawozdania Poznańskiego towarzystwa przyjaciół nauk*. Poznań, 1957–1958, t. 20.

Rysiewicz Z. L'accentuazione dell'antico prussiano // *Studi baltici*, 1938–1940, vol. 8.

Schaeken J. Die altpreussischen Wörter in einem Gedicht von Friedrich Zamelius (1590–1647) // *Studies in West Slavic and Baltic Linguistics*. Amsterdam; Atlanta, 1991.

Schall H. Die baltisch-slavische Sprachgemeinschaft zwischen Elbe und Weichsel // *Atti e memorie del VII Congresso Internazionale di scienze onomastiche*. Firenze, 1963, II.

Schall H. *Baltische Dialekte im Namengut Nordwestslawiens* // *Kuhn's Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen*, 1964–1965, Bd. 79.

Schall H. *Baltische Gewässernamen in Flußsystem 'Obere Havel'* (Südost. Mecklenburg) // *Baltistica*, 1966, II₍₁₎.

Schall H. *Preußische Namen längs der Weichsel* (nach Lucas David, ca. 1580) // *Donum Balticum to Prof. Chr. S. Stang*. Stockholm, 1970.

Schmalstieg W. R. The phonemes of the Old Prussian Enchiridion // *Word*, 1964, vol. 20.

Schmalstieg W. R. Labialization in Old Prussian // *Studies in Slavic Linguistics and Poetics in Honor of B. O. Unbegaun*. N.Y., 1968.

- Schmalstieg W. R.* The Old Prussian Verb // Baltic Linguistics. University Park-London. The Pennsylvania State University, 1970.
- Schmalstieg W. R.* A new look at the Old Prussian pronoun // Baltistica, 1971, VII₍₂₎.
- Schmalstieg W. R.* Old Prussian comparatives in *-ais-* // Baltistica, 1972, VIII₍₁₎.
- Schmalstieg W. R.* An Old Prussian Grammar. The Phonology and Morphology of the Three Catechisms. The Pennsylvania State University, 1974.
- Schmalstieg W. R.* Studies in Old Prussian. Pennsylvania State University Press, 1976.
- Schmalstieg W. R.* Old Prussian and Hittite orthographic variants: A Parallel // Ponto-Baltica, 1981, vol. 1 (Firenze; Milano).
- Schmalstieg W. R.* Old Prussian *-is*: A Partitive Genitive in the Elbing Vocabulary? // Baltistica, 1990, XXVI₍₂₎.
- Schmalstieg W. R.* A few comments on the Old Prussian Preterit Tense // Colloquium Pruthenicum Primum. Warszawa, 1992.
- Schmalstieg W. R.* Reflections on water: Elbing 59 *wundan* // Res Balticae, 1999.
- Schmalstieg W. R.* On two Neo-Prussian sentences: 'in remembrance of me' and 'for the remission of sins' // Res Balticae, 2000.
- Schmalstieg W. R.* Old Prussian: Monophthongizations or diphthongizations? // Linguistica Baltica, 2000, vol. 8.
- Schmid W. P.* Altpreußisch *lasto* 'Bet' // Indogermanische Forschungen, 1958, Bd. 62.
- Schmid W. P.* Zu Simon Grunaus Vaterunser // Indogermanische Forschungen, 1962, Bd. 67.
- Schmid W. P.* Beiträge zur Bestimmung der baltischen Westgrenze // Baltistica, 1987, XXIII₍₁₎.
- Schneiderreit O. A.* Prūsai. Vilnius, 1989 [нем. перевод: Schneiderreit O. A. Die Prussen und der Deutsche Orden. Berlin, 1994].
- Sittig E.* Die Aestier // Studi Baltici. Roma, 1934–1935, vol. 4.
- Smoczyński W.* Staropruskie lekcje i etimologie I // Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego, 1983, t. 40.
- Smoczyński W.* Philologie und Sprachwissenschaft bei der Untersuchung des Altpreußischen // Linguistica e filologia. Atti del VII Convegno Internazionale di Linguisti. Brescia, 1986 [1987].
- Smoczyński W.* Krytyka zbliżeń staroprusko-słowiańskich // Sprawozdania Oddziału PAN w Krakowie. Kraków, 1988, 30_(1/2).
- Smoczyński W.* Sullo Strumentale plurale in prussiano // Europa Orientalis, 1990, vol. 9.
- Smoczyński W.* Zur altpreußischen Akzentographie // Rivista di Linguistica, 1990, vol. 2.
- Smoczyński W.* Altpreuß. *prēipūrstans* als philologisches Problem // Indogermanische Forschungen, 1992, Bd. 97.
- Smoczyński W.* Die altpreußische Entnasalisierung und ihre Folgen für die Deutung der Deklinationendungen // Colloquium Pruthenicum Primum. Warszawa, 1992.
- Smoczyński W.* O tzw. zapożyczeniach prapolskich w języku staropruskim // Stowiańskie pogranicza językowe. Zbiór studiów. (Język na Pograniczach 1). Warszawa, 1992.
- Smoczyński W.* Zur Problematik der altpreußischen Hapax legomena am Beispiel von *dēigiskan* // Linguistica Baltica, 1992, vol. 1.
- Smoczyński W.* Wpływ niemiecki w deklinacji staropruskiej // Dubisz S., Nagórko A. Granice i pogranicza. Język i historia. Warszawa, 1994.
- Smoczyński W.* Das altpreußische Enchiridion: Zur Deutung einiger strittigen Kasusformen // Linguistica Baltica, 1995, vol. 4.
- Smoczyński W.* Untersuchungen zum deutschen Lehngut im Altpreußischen. Kraków, 2000.
- Smoczyński W.* Die altpreußischen Partizipialformen *poklausūmanas* und *enimumne* // Linguistica Baltica, 2002, vol. 8.
- Smoczyński W.* Zum Partizip II auf *-t-* und *-n-* im Altpreußischen // Linguistica Baltica, 2002, vol. 8.
- Stang Chr. S.* Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Ergänzungsband. Register, Adenda und Corrigena. Oslo; Bergen; Tromsø, 1975.
- Stundžia B.* Prūsistika K. O. Falko rankraštiniame palikime // Baltistica, 1995, XXXI₍₁₎.
- Sulimirski T.* Ancient Southern neighbours of the Baltic tribes // Acta Balto-Slavica, 1967, 5.
- Svennung J.* Belt und Baltisch. Ostseeische Namenstudien mit besonderer Rücksicht auf Adam von Bremen // Univ. Årsskrift. Uppsala, 1953, 4.
- Šmits P.* Herodota ziņas par senajiem baltiem // Rīgas latviešu biedrības krājums. 21. krājums. Rīga, 1933.
- Tenhagen W.* Altpr. *mercline* // Linguistica Baltica, 1992, vol. 1.
- Toeppen M.* Geschichte der Preussischen Historiographie. Berlin, 1853.
- Töppen M.* Atlas zur historisch-comparative Geographie von Preußen. Gotha, 1858.

- Töppen M.* Historisch-comparative Geographie von Preußen. Gotha, 1858.
- Trautmann R.* Die altpreußischen Sprachdenkmäler. Göttingen, 1910.
- Trautmann R.* Die altpreußischen Personennamen. Göttingen, 1925.
- Trautmann R.* Die Elb- und Ostseeslavischen Ortsnamen. Berlin, 1948–1956, Bd. 1–3.
- Udolph J.* Die Stellung der Gewässernamen Polens innerhalb der alteuropäischen Hydronymie. Heidelberg, 1990.
- Urban W.* The Prussian-Lithuanian frontier of 1242 // Lituania, 1975, 21, № 4.
- Voigt J.* Geschichte Preussens von den ältesten Zeiten bis zum Untergange der Herrschaft des Deutschen Ordens. Königsberg, 1827. (Bd. 1–9).
- Weber L.* Preussen vor 500 Jahren. Danzig, 1878.
- Weise E.* Die alten Preußen. Elbing, 1934.
- Wijk N. van.* Altpreußische Studien. Beiträge zur baltischen und zur vergleichenden indogermanischen Grammatik. Haag, 1918.
- Windekens A. J. van.* Vieux-prussien *lasto* 'lit' et tokharien B *lesto* 'nid', 'refuge' // Lingua Posnaniensis, 1982, 25.
- Witczak K. T.* Traces of dual forms in Old Prussian and Jatvingian // Colloquium Pruthenicum Primum. Warszawa, 1992.
- Witkowski T.* Berlin — ein Baltischer Namen? // Zeitschrift für vergleichende Forschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, 1966, Bd. 80.
- Witkowski T.* Die Bedeutung des Baltischen für die slavische Namenforschung in Deutschland // Proceedings of the 9th International Conference of Onomastic Sciences. London, July 3–8, 1966. Louvain, 1969.
- Witkowski T.* Baltische Ortsnamen westlich der Oder? // Donum Balticum to Professor Chr. S. Stang. Stockholm, 1970.
- Wittram R.* Baltische Geschichte. Darmstadt, 1973.
- Yeas J.* Simono Grunau, XVI a. kronisto, reikalui. Švietimo darbas. Kaunas, 1922, 3–6.
- Zakrzewski S.* Opis grodów i terytoriów północnej strony Dunaju czyli t. z. Geograf bawarski. Lwów, 1917.
- Zeps V.* Is Slavic a West Baltic Language? // General Linguistics, 1984, 24.
- Ziesemer W.* Nikolaus von Jeroschin und seine Quelle. Berlin, 1907.
- Ziesemer W.* Zum deutschen Text des Elbinger Vokabulars // Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen, 1919–1920, Bd. 44.
- Ziesemer W.* Beobachtungen zur Wortgeographie Ostpreußens // Zeitschrift für deutsche Mundarten, 1923.
- Ziesemer W.* Die Literatur des Deutschen Ordens in Preussen. Breslau, 1928.
- Zinkevičius Z.* Dėl baltų substrato Balstogės vaivadijoje (Lenkijoje) // Baltistica, 1975, XI₍₂₎.
- Zinkevičius Z.* Lithuanian in East Prussia // Linguistica Baltica, 1992, vol. 1.

С л о в а р и

- Топоров В. Н.* Прусский язык: Словарь. М., 1975–1987, т. 1–5.
- Frischbier F.* Preussisches Wörterbuch. Berlin, 1882–1883, Bd. I–II.
- Mažiulis V.* Prūsų kalbos etimologijos žodynas. Vilnius, 1988–1997, t. I–IV.
- Ziesemer W.* Preussisches Wörterbuch. Königsberg, 1935–1939, Bd. I–XII.

Т. В. Булыгина, О. В. Синёва
ЛИТОВСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения.

1.1.1. Литовский язык (Л.я.). Варианты названия: литов. *lietuvių kalbà*, букв. 'язык литовцев', англ. *Lithuanian*, нем. *Litauisch*, *Lituanisch*, фр. *le lit(h)uanien*. В старолитовских текстах Л.я. назывался *lietuviškas liežūvis*, что представляет собой буквальный перевод польск. *język litewski* или рус. *литовский язык* (*liežūvis* — букв. 'язык (орган)'). Слово *lietuvis* 'литовец' — производное от названия стра-